ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 34-й
№ 67 (4500)

Четверг, 7 июня 1962 г.

Цена 4 коп.

СТИХИ ЭСТОНСКИХ ПОЭТОВ

Яан ЮХАНСОН

Моя программа

Я раскрываю книгу,
Где каждая строчка — поэма
О человеческом счастьи.
Книга эта —
Программа
Коммунистической партии.
Хочу я, как сердце собственное,
Книгу поэм о счастии
Положить на ладони каждому
Рабочему и влюбленному,
Каждому нерешительному —
Пусть станет его решимостью.
Строки лучами солнечными
В душу мою проникают
И изобильем пшеничным
Пахнут, как свежие булки.
Строки сердце пронизывают
Светом дальних галактик,
Дорогу к которым ныне
Мы строим уже
И построим!
Строки волшебной книги —
Это дома и плотины,
Электропроводные линии
В медвежьи, глухие углы.
Люди Страны Созиданья,
Мы в завтрашний день шагаем,
И книга, что я читаю, —
Программа великой Партии —
Путеводитель в него!

Перевел С. ПОЛИКАРПОВ

Хеин ХЕЛЛАТ

***

Вылови мысль
в необъятном море
мыслей.
Она одна в этом мире
идет из сердца.
Поймал — и за дело!
Весело, смело
стальным пером пригвозди беглянку
к белой бумаге.
Пусть эта мысль поднимает и будит,
верь, что мечом и копьем она будет
в Армии песен,
что станет тесен
ей этот склеп из чернил и бумаги,
что она наберется отваги,
распахнет эту тесную клетку
и прилетит к человеку...
Жизнью его заживет снова,
светом горизонт озарится,
и напряженье твоего слова
станет не просто бледной зарницей,—
молнией засверкает могучей,
зигзагом,
распарывающим тучи.

Перевел Станислав КУНЯЕВ

Айно ЛАУР

***

Себя искала я
На улице, встав утром рано,
Среди больших и малых «я»,
Которые спешили как-то странно,—
Так, словно их гнала забота,
Боязнь лишиться важного чего-то.
Себя искала я
В девчонке, в форму новую одетой,
И в очереди за газетой,
И в пешеходах тех, что осторожно
Дорогу перейдут лишь там, где
можно...
Себя искала я
В строителях с проворными руками,
Что лепят облик нынешнего дня
Кельмой из камня.
Себя искала я...
Но сколько сил ни тратила,
Везде встречала я
Лишь чудака-самоискателя.

Перевела Римма КАЗАКОВА

ОТКРЫТИЕ СОВЕЩАНИЯ

представителей коммунистических и рабочих партий стран—участниц Совета экономической взаимопомощи

6 июня в Москве открылось Совещание представителей коммунистических и рабочих партий стран — участниц Совета экономической взаимопомощи.

В совещании принимают участие первые секретари центральных комитетов коммунистических и рабочих партий и главы правительств указанных стран.

Совещание обсуждает вопрос развития экономического сотрудничества между странами — участницами Совета экономической взаимопомощи.

Пушкину—Украина

Вчера вечером в столице Украины в торжественной обстановке был открыт памятник великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину. Взорам тысяч и тысяч киевлян открылась почти четырехметровая бронзовая фигура поэта. На постаменте слова:

**ПУШКИНУ
УКРАИНСКИЙ НАРОД**

Памятник создан скульптором А. Ковалевым и архитектором В. Гнездиловым.

На открытии памятника с речами выступили член Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины Н. В. Подгорный, писатели О. Гончар и А. Сурков и другие.

Во время церемонии открытия сводный хор участников художественной самодеятельности спел «Дифирамб Пушкину». Мало кто знает это музыкальное произведение. В памяти одного из старейших украинских композиторов Льва Ревуцкого навсегда запечатлелся юбилейный пушкинский вечер в маленьком украинском городке Прилуки в 1899 году. Десятилетний гимназист, будущий композитор, запомнил мелодию и слова торжественной песни-гимна, которую исполнял тогда гимназический хор. И вот теперь Л. Ревуцкий обработал музыку и перевел на украинский язык слова произведения неизвестного автора.

На Украине Пушкин — родной и любимый поэт. И отныне, как символ этой любви, как символ многовековой дружбы с братским русским народом, будет вечно стоять в Киеве бронзовый памятник великому поэту.

К. ГРИГОРЬЕВ

КИЕВ

В ЦЕЛИННОМ СОВХОЗЕ

Жизнь обгоняет почту. Пока эти снимки пришли в редакцию, сев на полях совхоза имени Германа Титова, что в Целинном крае, в основном закончился. А еще несколько дней назад по бескрайним просторам недавней степи двигались тракторы, сеялки...

В ПУТЬ, В ПУТЬ!

Репортаж на тему дня

ИТАК, пусть это будет Саввинская слобода, здесь и остановимся. Можно бы проехать мимо этих бревенчатых домиков, с окнами в узорчатой резьбе, что виднеются в садах близ бывшего монастырского подворья, а можно и здесь притормозить машину. Сколько таких вот домиков промелькнуло мимо, и сколько раз хотелось остановиться и познакомиться с теми, кто в них живет. Не тут ли, в самом деле, ожидала тебя самая интересная встреча, а ты вот, ротозей, поленился открыть дверцу машины...

А впрочем, что означают они, эти «самые интересные встречи», о которых с таким пристрастием расспрашивают обычно репортеры, беря интервью к какой-нибудь торжественной дате? Ну, разве не самое интересное происходит где-то рядом с нами, вот сейчас, сию минуту, вот здесь и вон там, в нашей неповторимой повседневности, в ее развитии, противоречиях, столкновениях, борьбе, новизне, движении. Всяк по-своему участвует в этом движении, и у всякого в нем свое место.

Ну так вот, пусть на этот раз будет местом действия Саввинская слобода. Время действия — 5 июня 1962 года. Действующие лица — обыкновенные советские люди, озабоченные сейчас теми же делами, что и все в нашей стране.

Люба ТРОФИМОВА: «Пуд молока от коровы в сутки, не меньше!».

НАД КРЫЛЬЦОМ вывеска: «Правление колхоза имени Макарова». Колхоз небольшой, и имя он носит негромкое. Как тут же выясняется, назван он так в честь его основателя и первого председателя.

В маленьком, чуть побольше вагонного купе, кабинете, стоит за столом худощавый молодой человек — бывший агроном, недавно избранный председатель колхоза Борис Григорьевич Железнов. Напротив него — преклонных лет женщина, видимо, очень взволнованная. Добрая улыбка сменяется строгим выражением лица, в голосе ее то просьба, то непреклонное требование.

— Почему ж так? Столько лет земля моя была, а теперь отдают другому. Не отдам, нет!

— Да успокойтесь, Татьяна Васильевна, мы уже решили...

— Хоть и решили, а не отдам. Моя земля, сама ее выходила, вздобрила, от сорняка прочистила вот этими руками.

Старушечьи, жилистые руки дрожат.

— Так слушайте меня, — повышает голос Железнов. — Вчера решили: ваша земля, как была, так и есть, хозяйничайте на ней по-прежнему.

Татьяна Васильевна охает от неожиданности и сжимает руку председателя:

— Вот уж спасибо! А я-то думала.

Когда она вышла, я спрашиваю:

— Чуть не обидели? С приусадебным участком, видно, что-то неладно было?

— Какое там! — взмахивает рукой Железнов. — Она же звеньевая, да ушла вот на пенсию (у нас ведь колхоз и пенсию дает, и по бюллетеням платит), так мы решили было: пускай отдыхает, другая за нее поработает. Да не вышло! Ее земля, да и все тут. И вправь она. Зеленкова, со своим звеном ее выходила. По 430 центнеров свеклы с гектара дала, а в среднем у нас с гектара — 245. Вот такие люди, как она, хотя и работают в поле, дают нам мясо, молоко и масло.

ТАК НАЧАЛСЯ наш разговор на главную тему дня — об увеличении продуктов животноводства и снижении их себестоимости. Вероятно, такой разговор мог бы состояться, с поправкой на местную обстановку, и где-нибудь под Саратовом или Вологдой.

— Это уж я вам твердо говорю, — продолжал Железнов, — борьба за мясо, молоко и масло начинается именно в поле, а не на скотном дворе. Увидите сами, если заглянете к нам на фермы, — можно и нужно там многое совершенствовать, но решающий, революционный бросок надо сделать, прежде всего, в поле. Корма — вот что решает. Побольше их и подешевле!

Признаться, слова эти не кажутся откровением — старая истина! Опять же не ново и то, что выходить в поле на бой за корма надо во всеоружии. Ново другое: очень обостренное чувство личной ответственности за безотлагательный и деловой ответ на Обращение партии и правительства...

— Поймите меня правильно,— прерывает сам себя Железнов.— Я вовсе не взываю о помощи, колхоз наш хоть и небольшой, но достаточно крепкий, и живем мы неплохо. Сейчас передовые наши доярки надаивают по пуду молока в среднем от коровы — такой лозунг мы выбросили для ясности: пудовый надой! — но спрос к нам предъявлен новый, и надо на него ответить с честью. Тем более, что и прибыли наши растут: в этом году получим дополнительно, при повышенных закупочных ценах на продукты животноводства, тысяч 12—14 рублей сверх того, что ожидали. Есть у нас достаточно денег для того, чтобы приобрести нужные нам машины, инвентарь, оборудование, и мы ждем, что районное отделение Сельхозтехники проявит больше оперативности, чтобы дать нам то, что нужно.

А нужно многое. В колхозе шесть тракторов, а к ним всего два плуга и две сеялки. Для уборки кукурузы на силос всего два комбайна, а надо четыре — ведь уборка вручную скажется на себестоимости кормов.

Лист бумаги испещрен колонками цифр, гремят костяшки счетов, мелькают перелистываемые страницы сводок, комментарии Железнова к ним далеко не всегда утешительны. И все же не можешь не порадоваться одному — вон ведь как напряженно, вдумчиво, честно, требовательно к себе и к другим готовятся решать люди те сложные и трудные задачи, которые перед ними поставлены. Вот это-то и радует!

— Ну, а теперь, если хотите, поедем на фермы...

Их две — одна с беспривязным содержанием скота, а другая — обычная, со стойлами, выстроенная тридцать лет назад. Новая и старая. Но и на той, и на другой есть автопоилки и автокормушки, и та, и другая успешно соревнуются, получая по пуду молока или около того от коровы.

На ферме с беспривязным содержанием скота решено отделить коров, только что вышедших из «родильного дома», — они будут чувствовать себя спокойнее, и это повысит удои; найден более рациональный, экономичный способ кормления, в том, однако, чтобы корова была сыта поистине до отвала...

И вот тут, на фермах, убеждаешься в том, что, так же как и председатель, все присматриваются к своей работе по-новому, пристальным взглядом ищут какие-то ранее не замечаемые резервы, спорят иногда по мелочам с глубокой верой, что все это нужно для большого дела. И деловитость вся эта какая-то веселая, обнадеживающая, идущая от всего сердца. Смотришь на работу восемнадцатилетней доярки Любы Трофимовой, и не налюбуешься точными ее движениями, ласковыми интонациями ее голоса, когда она «разговаривает» с коровами, которых она доит, с телятами, которых она поит, и приговаривает: «Ах вы, дармоеды, скоро ли из вас толк будет?».

НУ ДА НЕ расскажешь обо всем, что пришлось увидеть и услышать в Саввинской слободе, в которой мы побывали, а могли бы и проехать мимо. И опять машина мчится по черному, залитому дождем асфальту, мелькают дома придорожных сел, а от шоссе убегают вдаль проселки к каким-то невидимым отсюда селам... Побывать бы там, да разве это возможно? Но минутами кажется, что побывал: у всех-то людей на нашей земле дела и заботы одни.

В. АЛЕКСЕЕВ

Звенигородский район
Московской области

Борис ЖЕЛЕЗНОВ: «Борьба за мясо, молоко и масло начинается в поле...»

ПОИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На III пленуме правления Союза писателей Киргизии

ПЕРВЫЙ секретарь правления Союза писателей Киргизии Т. Абдумомунов, выступивший на пленуме с докладом «XXII съезд КПСС и задачи киргизской литературы», свою цель видел в том, «чтобы разобрать некоторые произведения последних лет». Такая установка придала докладу конкретный характер, а собранию — черты деловитости и разносторонности. Докладчик и те, кто сменял его на трибуне, останавливались на произведениях, которые действительно в тем или другом отношении характерны для сегодняшней киргизской литературы. Это повести Ч. Айтматова, поэмы А. Токомбаева и К. Маликова, стихи С. Эралиева и С. Фикина, роман У. Абдукаимова «Фронт», пьесы Ш. Бейшеналиева, А. Токомбаева, Р. Шукурбекова, К. Маликова, произведения молодых писателей К. Бобулова, Т. Кисымбекова, Б. Джакиева, К. Джапарова и многих других.

Большинство ораторов проявило достаточную объективность и самокритичность и не поддалось соблазну захваливания или «прорабатывания». Такая объективность все более становится нормой литературных обсуждений (как на самом пленуме, так и до него), что с удовлетворением подчеркивалось многими выступавшими.

В этом смысле слова Т. Абдумомунова о воспитании молодежи имеют широкое значение.

«Что значит воспитывать писателя? Это значит спокойно поговорить о достоинствах и недостатках творчества, направить писателя по верному пути. А то у нас бывает так или безудержно перехваливают, или возьмут критическую дубинку и начнут «воспитывать» ею по голове».

Доклад задал пленуму деловой и объективный тон. Это хорошо. Жаль только, что слабости доклада — некоторая его эмпиричность, ограниченность рамками одной литературы, хотя Т. Абдумомунов не раз справедливо отмечал, что киргизские писатели — отряд большой многонациональной литературной семьи, — эти слабости перешли «в наследство» многим выступавшим, которые часто дополняли доклад обзором дел на своем «жанровом участке»,— и только!

В результате разговор оказался уже, чем хотелось бы. Об итогах говорилось полнее и конкретнее, чем о перспективах, открывшихся перед литературой после XXII съезда КПСС.

Впрочем, эти недостатки пленума отмечали довольно энергично и сами его участники (выступления Н. Байтемирова, М. Джангазиева, Ч. Айтматова и др.).

К чему же, однако, вновь и вновь возвращались ораторы?

Прежде всего к проблемам изображения современности и современного героя.

— *Наши герои,*— сказал Ш. Бейшеналиев, — должны быть на уровне эпохи. Важно подчеркнуть, что *они растут*. Это Манас в нашем эпосе сразу же родился богатырем. А современных героев надо показывать в движении, в росте, в борьбе против отсталости, против отрицательных явлений. Только волевой и активный характер может иметь воспитательное значение.

Некоторые товарищи (Д. Абдукадыров, М. Аксаков и В. Джумабаев) призывали не смешивать понятие современной темы с злободневным, поверхностным откликом на события. Предупреждение, как было видно из приводившихся примеров неудачных, поспешно созданных произведений, — полезное. Но все были единодушны в том, что киргизской литературе все же недостает пока художественного глубокого изображения наших дней. Об общем «перекосе» в сторону исторической тематики говорил К. Каимов.

Д. Сулайманов не без юмора отметил слишком уж сильную любовь писателей, пишущих для детей, к жанру сказки. А детские поэты все еще воспевают растительный и животный мир, забывая, что нашим ребятам интересно узнать не только о том, как растет арбуз или пасется коза, но и как летают спутники и космические корабли.

Большое внимание уделил пленум современной киргизской драматургии. И это не случайно: проза и поэзия сейчас обгоняют драматургию. Об этом с тревогой говорилось не только в выступлениях писателей, но и в речах работников театра (Д. Абдыдырова, А. Кубегенова, народного артиста Союза ССР М. Рыскулова и К. Кумышалиева).

Но особенно острые споры развернулись вокруг критики. Писатели Ш. Бейшеналиев, К. Маликов, Н. Байтемиров, Е. Конский, Ф. Самохин, К. Бектенов и Н. Удалов (да, собственно, почти все выступавшие писатели) предъявили критикам Киргизии серьезные претензии. В целом критика в республике еще не достигла подлинно высокого профессионального уровня. Еще часто вместо слова взыскательного друга и советчика она произносит, как заметил М. Аксаков, прокурорский приговор. В качестве примера вспоминалась, скажем, грубая, недопустимая по тону рецензия В. Сретлического на сборник рассказов Е. Конского (газета «Советская Киргизия»).

Разговор о критике мог бы быть еще полезнее, если бы в выступлениях некоторых авторитетных литераторов, в частности К. Маликова и Н. Байтемирова, не прозвучали нотки ненужной подозрительности и нервозности. Разве способствуют нормальному развитию творчества тех или иных критиков обвинения в злом умысле, недобросовестности? Да, необходимо бороться против субъективистских извращений. Но ведь и писатель, спорящий с критиком, упрекающий его, должен понимать, что критик имеет право на свое мнение, должен оперировать аргументами, а не ярлыками, как это случилось в речах К. Маликова и Н. Байтемирова по отношению к статьям, например, А. Салиева, О. Джакишева, Б. Джумабаева.

Очевидно, вопрос о критике — один из тех, что заслуживают *специального* обсуждения литераторами Киргизии.

На пленуме были сделаны интересные попытки рассмотреть, что нового вносят в киргизскую литературу молодые писатели. Выступления Ч. Айтматова, М. Рыскулова, С. Шимеева относятся как раз к тем, к сожалению, немногим, выступлениям, авторы которых стремились осветить некоторые узловые проблемы литературного процесса.

— Сейчас нельзя писать так, как писали в прежние времена, — говорит С. Шимеев. — В русской поэзии и прозе идут плодотворные поиски новых форм выражения. То же самое происходит и в нашей литературе.

На примере творчества Айтматова оратор показывает, как молодые писатели стремятся освободиться от описательности, от длиннот, от устаревших фольклорных приемов, не обладающих способностью выразить новое содержание.

В прениях выступили также О. Джакишев, С. Фикин, К. Артыкбаев, Д. Султаналиев, Ш. Абдураманов.

гор. ФРУНЗЕ

(Наши корреспонденты)

«ШЕСТЕРКА», «СЕМЕРКА» И АМЕРИКАНСКИЙ ТУЗ

А. ВЕЛЬСКАЯ

«ОБЩИЙ РЫНОК» и Ассоциация свободной торговли — два монополистических блока — ведут ожесточенную борьбу за место под европейским солнцем. США активно участвуют в этой сложной игре. В этой статье рассматриваются причины, которые привели к капитуляции Англии и заставили ее просить о приеме в «общий рынок».

БУРЯ В ВЕСТМИНСТЕРЕ

31 июля прошлого года в старинном, потемневшем от времени здании Вестминстера разыгралась небывалая по силе политическая буря. В тот день (автору этих строк довелось присутствовать на парламентских прениях) премьер-министр Макмиллан впервые сообщил британским парламентариям, что Англия просила принять ее в Европейское экономическое сообщество, или, как его принято называть, в «общий рынок». Это произвело впечатление разорвавшейся бомбы: на протяжении пяти лет, с тех пор как был создан монополистический блок шести западноевропейских стран*, английские империалисты вели упорную, ожесточенную борьбу против него, отвергая все попытки привлечь Англию к участию в ЕЭС.

Протесты, возгласы возмущения раздавались не только со скамей оппозиции. Резко критиковали Макмиллана многие видные консерваторы. Один из них — Тэртон раздраженно сказал: «Создается впечатление, что Англию, несмотря на ее протесты и сопротивление, американская финансовая нянька тащит в «общий рынок». Его поддержали другие ораторы. Видавшие виды парламентские старожилы говорили в тот день, что таких бурных прений палата общин не видела со времен мюнхенского предательства Чемберлена.

С тех пор прошло немногим меньше года, но политические страсти вокруг проблемы «общего рынка» не утихли ни в самой Англии, ни за ее пределами. Они бушуют с еще большей силой.

Внутри Англии представители крупного монополистического капитала поддерживают Макмиллана в его намерении присоединиться к «общему рынку»: именно их позиция позволила британскому премьеру получить большинство голосов во время тех знаменательных прений. Большинство английских аграриев и промышленников, связанных с экспортной торговлей, категорически против этого шага. Ожесточенное сопротивление оказывают правящие круги Британского содружества наций.

Споры идут в самом ЕЭС — разную позицию по отношению к вступлению Англии занимают Франция и Западная Германия. Нажимают Соединенные Штаты: они торопят англичан, склоняя их пойти на уступки. Колеблются нейтралы, связанные с Англией торговым договором,— от их слова зависит многое.

Вокруг «общего рынка» сплелся сложный, запутанный узел империалистических противоречий. И в свете происходящего смехотворны заверения организаторов ЕЭС, будто создание этого экономического блока приведет к образованию бесконфликтной, гармоничной капиталистической Европы.

ЧТО ОЗНАЧАЮТ ТРИ КАРТЫ

Шестерка, семерка, туз... Вернемся на несколько лет назад. События последних лет помогут разобраться в сложной борьбе, раздирающей капиталистический мир.

В 1957 году в Риме был подписан протокол о создании Европейского экономического сообщества. Шесть стран, о которых мы упоминали выше, решили создать зону свободного движения товаров, капитала и рабочей силы. Предполагается ликвидировать таможенные барьеры между ними — товары будут перевозиться из одной страны в другую беспошлинно. Будут ликвидированы количественные ограничения — таможенные квоты. Для торговли с другими государствами будет установлен единый, причем повышенный тариф.

Но как ни расписывали организаторы этого блока выгоды, которые будто бы сулит его участникам «общий рынок» (они не скрывали, кстати говоря, что за экономическим слиянием, так называемой «интеграцией», последует и слияние государственных и политических институтов), Англия встретила в штыки это начинание и отказалась участвовать в ЕЭС. В Лондоне знали, конечно, что идея создания ЕЭС одобрена американскими правящими кругами, и тем не менее высказались против нее. Это было, пожалуй, одно из немногих ослушаний Уайт-Холла за последние годы. На карту было поставлено слишком многое!

Дело, конечно, не в каких-либо принципиальных возражениях Англии против политики сколачивания блоков. Как известно, английские империалисты не только активно участвуют во многих из них, но и всегда высказывались в пользу различных планов «европейской интеграции». Уинстон Черчилль в свое время был одним из крестных отцов проекта создания «Соединенных Штатов Европы». Но такую Европу английские правящие круги хотели бы видеть под эгидой сильной, могущественной Британии, а не под властью своих западногерманских и французских конкурентов.

Итак, отказавшись от участия в «общем рынке», Англия стала лихорадочно искать противоядия. Сначала была сделана попытка создать в противовес ЕЭС — Европейскую зону свободной торговли, куда вошли бы все страны континента, в том числе и участники «шестерки». Два года — с 1956 по 1958 — длились тщетные бесперспективные переговоры: английский план провалился. В 1959 году англичане создали Европейскую ассоциацию свободной торговли — без шести участников ЕЭС. «Семерка» в составе Англии, Швеции, Швейцарии, Норвегии, Дании, Австрии и Португалии вступила в игру, стремясь выиграть ее у «шестерки».

К середине 1960 года Западная Европа оказалась расколотой на два противостоящих друг другу капиталистических блока. Началась ожесточенная борьба за передел сфер влияния между «шестеркой» и «семеркой» — борьба не на жизнь, а на смерть.

Силы в этой игре с самого начала были неравными. «Общий рынок» возглавляют две сильные в экономическом отношении державы — Западная Германия и Франция, пользующиеся широкой поддержкой американских монополий. Наращивает экономический потенциал и Италия. В Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) Англия — единственная крупная держава. По численности населения ЕЭС оставляет далеко позади ЕАСТ — 160 млн. против 90 млн. человек. «Общий рынок» превосходит «семерку» по всем основным экономическим показателям — производству электроэнергии, выплавке стали, золотым и валютным резервам, по экспортной торговле.

Но на войне, как на войне... И английские империалисты были полны решимости продолжать борьбу.

Что же случилось? Почему летом 1961 года все переменилось и Макмиллан сделал свое заявление в палате общин? Ведь о поражении в борьбе с «шестеркой» в ту пору было еще рано говорить: не все ресурсы были мобилизованы, не вступили в силу ни все намеченные «общим рынком» этапы снижения таможенных тарифов для шести стран, ни ответные меры «семерки».

Напомним, что незадолго до решения, принятого Макмилланом, британский премьер встретился в Бонне с Аденауэром. Буржуазная печать писала в то время, что боннскому канцлеру было поручено выступить в качестве контрагента американских монополий и прощупать, не согласится ли Англия присоединиться к «общему рынку». Западногерманские монополисты с готовностью пошли на это: включение Англии в ЕЭС не только устранило бы одного из главных конкурентов на европейских рынках, но и позволило бы продолжить и расширить их экспансию в страны стерлингового блока. Боннские правящие круги не прочь были использовать английскую карту и в том сложном блефе, который они ведут против усиливающегося влияния Франции на континенте.

Но, конечно, решающее слово в этой игре принадлежало США. Американские империалисты всегда поддерживали идею сколачивания блоков капиталистических стран, приветствовали интеграцию. Правда, на разных этапах они по-разному относились к ней — с бо́льшим или меньшим интересом, но всегда старались приспособить ее к своим военным замыслам.

США стремятся приспособить «общий рынок» к нуждам атлантического блока, сделать его своего рода экономической базой этой агрессивной организации. Не учитывая реального соотношения сил, сложившегося в мире, и огромной мощи социалистического лагеря, они видят в «общем рынке» противовес победному движению социализма. США рассчитывают использовать ЕЭС для захвата рынков слаборазвитых стран Азии, Африки и Латинской Америки, для подчинения народов этих стран. Именно поэтому американские империалисты заинтересованы в расширении рамок «общего рынка», во включении в него Англии. Но есть и соображения, продиктованные конкурентной борьбой с капиталистическими государствами Западной Европы. Кеннеди не раз говорил о необходимости создать на континенте американский «сверхрынок», а совсем недавно весьма образно сказал в торговой палате США: «Наша задача заключается не в том, чтобы поделить экономический пирог, а в том, чтобы увеличить размеры этого пирога».

Можно добавить то, что не досказано, — ...и прибрать его к рукам.

(Окончание на 4-й стр.)

МАКМИЛЛАН. — Пожалуй, я и в самом деле чувствую себя немножечко неустойчиво...

Рисунок художника Каммингса из английской газеты «Дейли экспресс»

* В «общий рынок» входят Франция, Западная Германия, Италия, Голландия, Бельгия и Люксембург.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

За заслуги в развитии советской литературы Президиум Верховного Совета СССР Указами от 5 июня 1962 года наградил орденами Трудового Красного Знамени писателей Ивана Соколова-Микитова — в связи с семидесятилетием, Льва Ошанина, Вадима Собко и Михаила Стельмаха — в связи с пятидесятилетием.

Писатель и читатель

А ЗВЕЗДАМ — ГОРЕТЬ!

Почти год назад в августовском номере журнала «Дружба народов» был опубликован очерк эстонского писателя Вал. Рушкиса «О тех, кто зажигает звезды».

С одним из героев очерка Юрием Столяровым автор знаком давно, еще по стройке в Эстонии. Новая их встреча произошла спустя четыре года в Северном Казахстане, где комсомолец Столяров — уже не мастер, а главный инженер монтажного участка.

Читатель с удивлением узнал из очерка, что Юрий охладел к судьбе стройки, да и другие молодые инженеры на строительстве Петропавловской теплоэлектроцентрали работают хуже, чем на прежних своих участках.

Автор ищет причину этой метаморфозы и находит ее. Порочный стиль руководства стройкой, многомесячные авралы создали обстановку, при которой у людей пропал интерес к работе.

В феврале этого года журнал получил письма секретаря Северо-Казахстанского обкома КП Казахстана Н. Борзова и начальника «Главвостонзнергостроя» Л. Кудрявцева, где говорилось, что «недостатки, отмеченные в очерке, действительно имели место», и сообщалось о принятых мерах, «направленных на ускорение пуска в эксплуатацию первого турбогенератора».

В этих ответах, к сожалению, был обойден поднятый в очерке вопрос о материальном и моральном уроне, который понесли люди в результате негодных методов руководства стройкой.

О нынешних делах стройки читатель узнает из переписки писателя Вал. Рушкиса с инженером Юрием Столяровым.

Публикуя эти письма, газета открывает новый раздел «Писатель и читатель», в котором будут время от времени печататься материалы из переписки писателей с читателями.

Ю. Столяров — В. Рушкису

Вчера получил журнал с Вашим очерком. Впечатления крайне противоречивые.

Прежде всего я прочел те места, где написано про нашу семью. Ощущение такое, как будто бы меня раздели на медкомиссии и осматривают. Стыдно и немного противно.

Извините.

Но вместе с тем и приятно. Это, наверное, уже тщеславие.

Шут с ним, главное не в этом. Вчера я ездил проверять ночную смену и ночью долго сидел и думал. Да, ведь я действительно стал страховаться бумажками. Видимо, это заразительно. У меня начало было появляться равнодушие к судьбе стройки. Правда, в Вашем очерке об этом сказано мало, но фраза про бумажки, которые я стал писать, очень обидна и очень правдива. Да, я дошел до того, что начал думать только о выгоде участка, не шел на соглашение со строителями, а однажды даже поймал себя на мысли: «Ну и черт с вами, срывайтесь, я предупреждал!» В общем, появилась нечестность. Сперва оказался не в силах выдержать назначенный мною самим срок одной из работ, обманул строителей. Потом это перешло в нечестность обдуманную и от этого более подлую: я уже заранее начал подыскивать — а что я выдвину в свою защиту в том или ином случае.

Беру себя в руки. Но все равно стыдно, очень стыдно, очень неприятно.

Пожалуй, это исповедь, и нужна она мне куда больше, чем Вам. Но все, что я Вам пишу,— правда.

А положение на строительстве тяжелое. Уже совершенно ясно, что к 20 сентября мы ничего не пустим. Но даже заикнуться о невозможности пуска в срок нельзя, моментально пришивают «дезорганизацию коллектива», «непонимание задач» и так далее. Заседания повторяются почти ежедневно. Планерки, оперативки, диспетчерки, цехкомы, бюро. Под разными названиями идут одни и те же разговоры: «Мобилизуемся, назовем вещи собственными именами, оправдаем доверие!!!» И упаси бог пропустить хоть одну такую брехаловку. Все перетрывается так, что если ты не хочешь совещаться, то и работник ты ни к черту.

Нам, монтажникам, приходится туго. Людей стало втрое больше, с инструментом плохо, с материалами плохо. На фоне строителей мы выглядим сносно, но и у нас недостатков хватает. Дела еще много, срок сорван, а на площадке до сих пор висит плакат: «До пуска осталось...» — и ежедневно цифры меняются: 16, 15, 14... Зачем обманывать и себя, и окружающих? Ведь самое большее, на что можно надеяться, — пустить к 7 ноября. Мечтаю об этом. А тут — «14 дней!».

Больше писать не могу. Иду на котел.

С уважением Ю. Столяров.

ПЕТРОПАВЛОВСК, Казахстан.

В. Рушкис — Ю. Столярову

Семнадцатый раз выехал на Прибалтийскую ГРЭС. Тут все заняты не разбирательствами, а трудом, писать о них приятно и легко.

Спасибо за Вашу «исповедь». Порядочные люди тем и отличаются, что способны думать и — когда нужно — перерваться. Вон сколько Вы передумали о своих «бумажках»! Ради одних этих Ваших раздумий мне стоило трудиться над очерком.

А как чувствуют себя мои «отрицательные герои»? Читали они мой очерк? Обсуждали? Пишите, это мне чрезвычайно важно.

С приветом Вал. Рушкис.

НАРВА, Эстония

Ю. Столяров — В. Рушкису

Ваш очерк читали, конечно, все. Официально не обсуждали, и это понятно: обсуждать его — значило бы осуждать себя, а этого здесь не любят. Очерк замолчали, пока это неразорвавшаяся бомба.

Сроки пуска у нас срывались, назначались новые и срывались снова. Естественно, начались поиски виновных. А. Венцеславский и секретарь парткома Г. Доля высказались за то, чтобы вынести мне строгий выговор с занесением в личное дело. Формулировка: «За умышленное противопоставление себя руководству стройки, за срыв сроков работ, за самоуправство» и т. д.

Не помню, что я им говорил на собрании, помню только, что выговорил разом все, что накипело, и пообещал пожаловаться в ЦК КПСС. В результате записали было: Столярову выговор, всех остальных предупредить. Однако на общем собрании за выговор голосовали только члены бюро. Так виновных и не оказалось. Никак не думал, что у меня найдется столько защитников.

...Работы много. Людей измучили. Но какие все-таки все они молодцы! Особенно один из Ваших героев, монтажник Валерка Смирнов. Золото парень. Я много бываю на станции, в разное время суток, а он там — всегда, когда спит — неизвестно. Отощал, как кот, один нос остался, а работает абсолютно безотказно. Спать гонишь, — не идет. Удивительные люди. Приезжаешь ночью, тащишь человека из постели, а он спал-то три-четыре часа, только что вернулся с работы. И ничего, едет, даже не ругается.

И все, как дети, радуются каждой, даже маленькой победе. Вчера мы все же смогли продуть трубопровод, и все были страшно рады. Чем сильнее ревело, тем больше радовались и старались, чтобы орало еще громче. Так старались, что паром выбило стекла в помещении щита управления.

Инженеры тоже работают самоотверженно, но кое-кто из них уходит. И не потому, что здесь трудно, работа чем труднее, тем увлекательнее: невыносим здешний «стиль».

Шесть лет шла стройка, до сих пор не пустили первый агрегат. Теперь мы ведем непрерывный аврал, чтобы искупить и исправить все сделанные до нас промахи. Люди, настоящие люди, такие, как Смирнов, Чернавский или Власов, работают за кого-то, не спят ночей, чтобы покрыть чьи-то ошибки, нераспорядительность и головотяпство. Почему же это?

Пишите мне, хотя бы раз в месяц, пишите, хорошо?

Ваш Ю. Столяров.

ПЕТРОПАВЛОВСК, Казахстан

В. Рушкис — Ю. Столярову

Счастлив, что Вас спасли не Ваши «бумажки», а живые честные люди, которых Вы сами так любите. Коммунисты проголосовали за Вас.

Я продолжаю следить за Петропавловской ТЭЦ, причем не только по Вашим письмам, но и по многотиражке «Энергетик». Вижу, как «Энергетик» из номера в номер бьет тревогу, сообщает о невыполнении плана и... публикует новые сроки и обязательства. Ваши руководители следуют нехитрым правилам, изобретенным в период культа личности и, к сожалению, оставшимся нам в наследство. Внешне все в порядке — есть энтузиазм, даже критика и самокритика. Но это лишь слова, вступившие в данном случае в противоречие с самой сутью дела.

Понимаю, как трудно Вам. Но искренне надеюсь, что Вы сумеете провести «вверенное Вам подразделение» с наименьшими потерями.

Кстати, судя по «Энергетику», стройку сейчас ведет «сам» управляющий трестом А. Поляковский, а многословный Венцеславский... шефствует над жилищным строительством. Вероятно, теперь порядна у вас больше?

Пишите. Крепко жму Вашу руку.

Вал. Рушкис.

ТАЛЛИН

Ю. Столяров — В. Рушкису

А ведь она пошла, окаянная, крутится, как настоящая! Последние дни прошлого года люди работали, как на пожаре. Хотел написать «как звери», но звери так не работают. Напряжение предельное. Все спали по четыре часа в сутки, а то и вообще не спали — в общем «нормальный пуск». И 31 декабря все же взяли нагрузку. Настоящую нагрузку, на угле, хоть пока и маленькую — всего пять мегаватт. Но это была уже наша энергия. Наша! Домой уехал в три часа ночи. Нового года как-то не заметил.

Два с лишним года я ждал момента, когда заработает станция. Думал — вот это будет праздник, какого у меня еще в жизни не было! А когда это произошло, стало даже чуть-чуть жалко... И уж очень все устали.

Станция пошла нормально. Это хорошо.

Но разрыв между подлинной жизнью и ее внешней оболочкой, о котором Вы писали, продолжается. Еще тридцатого декабря, когда была масса неполадок, еще не работали ни топливоподача, ни золоудаление, возле главного корпуса с большой помпой, с оркестром, с массой толстых дядей состоялся митинг по поводу ввода ТЭЦ в строй. Это была липа: еще неизвестно было, как пройдет пуск, станция едва-едва дышала, монтажники носились, как угорелые, а на фасаде в это время резали ленточку.

Станция пущена в строй во многом благодаря личному вмешательству А. Поляковского, управляющего трестом. Вытащил ее именно он, и никто другой (из руководителей, конечно). Но чего это стоило! Поляковский положил здесь колоссальное количество сил — своих, нашего коллектива, треста, государства. Лично день и ночь он добивался пуска, это прирожденный руководитель. Вот ему-то за пуск можно смело дать любую награду. Но только за пуск. А вот спросят ли, как он вел эту стройку с 1955 по 1960 год? Вряд ли. Забудут, поздно, киловатты идут в сеть. А следовало бы спросить, потому что нельзя работать один-полтора года из шести.

Партия приняла программу, где такое важное место отведено электрификации. Эта программа должна быть выполнена, и нельзя допустить, чтобы электростанции строились петропавловскими методами.

Вот видите, я всех критикую, какой-де я умный. Но свои ошибки, собственную глупость увидеть трудно. Просто я пишу то, что думаю, и очень буду благодарен, если Вы опять поставите меня на место. Даже с Ниной мы о таких вещах говорим не часто, хотя я очень ее люблю и абсолютно ей доверяю, знаю, что она лучше и сильнее меня.

Сейчас она в Ленинграде, не работает — у нас родилась дочь. Получили квартиру, обязательно приезжайте в гости.

Работать здесь мне стало трудно. Видимо, это почувствовал и наш трест, хотя я не жаловался. Сказали, что меня скоро заберут отсюда, а куда — не знаю. Сообщу.

Всего Вам доброго.

Ваш Ю. Столяров.

ПЕТРОПАВЛОВСК, Казахстан

В. Рушкис — Ю. Столярову

С удовольствием вспоминаю наши разговоры в новой Вашей квартире под Ленинградом. Пишите, куда получили назначение?

Сегодня мне приходится поменяться с Вами ролями: о Петропавловской ТЭЦ могу кое-что рассказать, я узнал в министерстве.

Пущенный Вами агрегат работает хорошо, и эксплуатационники из месяца в месяц перевыполняют план. Венцеславский несколько изменился к лучшему, видимо, и ему урок прошлогоднего пуска не прошел даром.

Все больше силы чувствует в себе коллектив стройки. Стремившиеся уехать — остались. Петрук работает на главном корпусе. И я верю, что этот возмужавший коллектив не позволит, чтобы ложь и начальственный окрик и дальше портили людей.

И чтобы меньше было жертв, чтобы терпеть меньше материального и морального ущерба из-за «петропавловских» методов работы, я все же посылаю нашу с Вами переписку в редакцию. Не сердитесь за эту новую «медкомиссию»: поверьте, она нужна. И не только Вам.

Крепко жму Вашу руку.

Вал. Рушкис.

МОСКВА

В ЦЕЛИННОМ СОВХОЗЕ

Сюда, в совхозную контору, как на командный пункт, приходят донесения с полей и ферм. Налаживается жизнь молодого целинного хозяйства. И людей с каждым днем становится все больше — год назад было 180, а сейчас перевалило за тысячу триста. И каких людей! Отличный народ в совхозе имени космонавта!

Только в марте прошлого года новоселы раскинули здесь свои палатки. А сегодня на этом месте — настоящий поселок. Стройка продолжается.

Фото А. Сиурихина

РЕПЛИКИ

Веселые полиграфисты

ПРЕДСТАВИМ на минуту мебельный магазин, где выставлены для продажи платяные шкафы с дверцами от буфета и стулья на двух ножках. «Такого не бывает», — скажет читатель.

Ну, а магазин «Одежда», предлагающий покупателям брюки с одной штаниной и женские платья с рукавами от мужского плаща. «И это невозможно, — возразит читатель, — Ни одно предприятие не выпустит и ни один магазин не примет такой брак».

И все же подобная «продукция» поступает в торговую сеть. Правда, поставляют ее не мебельщики и швейники, а... полиграфисты. Мы говорим о книгах-уродах, книгах-гибридах, которые, минуя руки контролеров ОТК, преспокойно ложатся на прилавки магазинов.

«На иркутском книжном базаре я купил 2-й том «Греческой цивилизации» Андрэ Боннара, который давно искал, — пишет в редакцию В. Рудых.— Но радость моя оказалась преждевременной, в книге нет страниц со 193 по 208, а страницы 241—256 попали в переплет дважды. Побежал в магазин обменять — поздно: все продали. Написал в Москву — не отвечают. Помогите получить полноценный экземпляр нужной мне книги».

Должны огорчить вас, тов. Рудых: работники московской типографии № 8, которые преподнесли вам этот «подарок», развели руками: на складе не нашлось ни одного обменного экземпляра книги. «Не мы одни...» — сказали в свое оправдание товарищи из типографии.

Что верно, то верно: не они одни. Недавно типография издательства Академии наук БССР выпустила книгу Н. Еругина «О тех, кто выстоял», в которой страницы 17—32 «не выстояли» и поменялись местами со страницами 33—48. А типография № 1 гор. Саратова повеселила покупателей «Баснями» А. Коваленко, где два титульных листа, два «содержания» и начисто отсутствуют 16 страниц. Тем самым читателей лишили возможности ознакомиться с басней «Головотяпство», которая, судя по «содержанию», должна быть как раз на отсутствующих страницах.

А вот в сборнике рассказов Мельникова (Печерского) «Медвежий угол» все страницы на своих местах. Зато в середине книги прерывается рассказ о злоключениях титулярного советника Поярова и далее идет деловое изложение «Единых оптовых цен на сельскохозяйственные машины устаревших конструкций, снятые с производства»...

Шутники из типографии № 2 имени Евг. Соколовой Ленсовнархоза, выпустившие «устаревшие конструкции», не одиноки. Их коллеги из полиграфкомбината имени Януба Коласа (гор. Минск) вместо хрестоматии «Родная литература» выпустили нечто вроде игры «Угадай-ка».

Учитель А. Комиссаров из Тульской области приобрел 28 экземпляров этой «Угадай-ки» и не знает, что с ними делать: он ведь не затейник, надо детей литературе учить, а как, если в хрестоматии каждые две страницы текста аккуратно чередуются с двумя страницами чистых листов.

Впрочем, такое ли еще бывает. Помните, у Козьмы Пруткова: «Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазам своим». Так вот: если на обложке книжки прочтете надпись: «Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», не верьте глазам своим: под обложкой — брошюра о роли общественности в борьбе с преступностью. Веселые люди из типографии № 11 Ленсовнархоза могут это подтвердить...

Сколько написано фельетонов, реплик, горестных заметок на эту тему, сколько возмущенных читательских писем идет в издательства и типографии (кстати, непонятно, почему покупатель, возвращая бракованную книгу, должен оплачивать почтовые расходы!), а воз и ныне там.

Почему?

Беда в том, что во многих типографиях на одном из этапов изготовления книги — подборке тетрадей и брошюровке — царит кустарщина и обезличка. Установить, кто персонально виноват в выпуске брака, как правило, невозможно. Впрочем, это мало беспокоит полиграфистов.

— Вот если книготорг возвращает нам весь тираж, — объясняют они, — тогда мы несем большие убытки. А за пересортицу тетрадей и белые листы с нас никто не спрашивает. Да и не так часто она встречается...

Не так часто? Работники московского магазина № 100 другого мнения: в первом квартале этого года они вернули на базу книги более 200 названий. Это только один магазин!

Доколе же?

Надо надеяться, что начальник Главиздата Министерства культуры СССР тов. Рыбин внесет, наконец, ясность в этот вопрос.

Л. КАШИН

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

Те, кто знает творчество Ю. Олеши, помнят восторженное удивление, с которым писатель каждый раз «открывал» для себя и Данте, и Толстого, и Гринда. Пожалуй, одно из чувств, которое вызывают произведения Ю. Олеши, это тоже удивление.

Удивительно не только неповторимое, «олешинское» восприятие мира. Удивителен диапазон творчества писателя. Можно говорить об Олеше романисте или об Олеше-драматурге. Те, кто начинал с ним в Одессе или работал в «Гудке», помнят, когда был только Олеша поэт или только Олеша фельетонист. А рассказы и киносценарии писателя! Его стремительное овладение всеми видами литературы, казалось, не могла сдержать существующая градация жанров. Юрий Карлович последние годы работал над книгой наблюдений, воспоминаний, размышлений. Как назвать эти короткие заметки, глубокие по мысли, блестящие по форме? Пожалуй, это новый жанр, для него еще не найдено названия.

На вечере памяти Олеши, который состоялся в Центральном Доме литераторов, отрывки из этой книги прочитали И. Ильинский и Н. Голубенцев. О разнообразии дарования писателя говорили Б. Бобович, С. Бондарин, В. Бутлевский, З. Казакевич, А. Мачерет, Л. Никулин, В. Перцов, А. Роом, А. Тарковский, В. Шкловский.

Участники вечера услышали голос Ю. Олеши, записанный на пленку.

В конце вечера были показаны сцены из «Трех толстяков» в исполнении артистов МХАТа и фрагменты из фильма «Болотные солдаты» по сценарию Ю. Олеши.

НУЖНА ЛИ ЗОЛОТАЯ КАЙМА?

ГУСЬ-ХРУСТАЛЬНЫЙ называют равно. И родиной русского хрусталя, и Стеклоградом, и городом мастеров. Местные — ласково: Гусь. Городок небольшой. Не верится даже, что здесь работают три крупнейших в стране стекольных завода — Хрустальный, «Стекловолокно» и имени Дзержинского, выпускающий оконное стекло. Только ранним утром, когда начинается смена и улицы Гуся заполнены народом, видишь, что это — город-рабочий.

Гусевскому Хрустальному заводу больше двух столетий. О его мастерах писали много. Здесь родились знаменитая алмазная грань и морозный узор. Здесь рождается теперь новое стекло, новый советский хрусталь. Рождается, как и все новое, не легко, не просто.

Чем был Хрустальный завод когда-то? Полукустарным стеклодувным промыслом, где все делалось вручную, где шихта загружалась лопатами, где рабочий за день вдувал в стекло частицу своих легких, где «хлопцы» — мальчишки и девчонки — таскали от мастера к мастеру тяжелые ящики с посудой. Теперь на заводе работают механизмы. Даже в цехе обработки — святая святых хрустального производства — введена поточная линия.

У нового всегда не только друзья, но и противники. Именно они говорили, что конвейер, «поток» погубит в резчике художника, что закатится добрая слава гусевских мастеров. Не закатилась! И производительность труда возросла намного, и по-прежнему известны всему миру изделия с маркой Гуся Хрустального. Теперь перед гусевцами встает другая проблема. Сейчас никто не возразит против конвейеров, против трубок-самодувок и вращающихся форм, против современных ванных печей, приходящих на смену старым горшковым.

— Техническая революция — это уже вчерашний день завода, — говорит главный инженер Принарх Алексеевич Фигуровский. — Времена сомнений по этому поводу прошли. Теперь мы смотрим дальше. Но вот что получается...

И Фигуровский рассказывает о новом стекле. Оно появилось сравнительно недавно. Гладкое, лаконичных форм, с широкими гранями, с легкой насечкой. Современный стиль — подсказанный жизнью, рожденный потребностью простоты, желанием видеть посуду дополнением к строгому современному интерьеру. Все, кажется, понятно. Родилась потребность, родилась мода (не будем бояться этого слова) — надо выпускать новую продукцию.

— Не тут-то было, — качает головой Фигуровский.— Такая посуда требует безукоризненной технологии, безупречного стекла, без пузырьков, без дефектов. Для варки такого стекла нужны дорогостоящие огнеупоры, нужно особенно тщательно очищать стекломассу. Короче говоря, приходится тратить гораздо больше средств, чем при обычной варке, а получается...

А получается вот что: на горячего цеха выходит практически готовое изделие, нужно только отшлифовать край. Изящная форма, гладкая поверхность, которая только подчеркивает фактуру стекла. Такая ваза способна украсить любую выставку, но... не финансовый отчет завода.

В инструкции же сказано, что из горячего цеха выходит не готовое изделие, а всего лишь заготовка, полуфабрикат, который стоит очень дешево. Настоящую свою цену изделие приобретает в процессе обработки. Чем больше узоров и граней появится, скажем, на вазе, тем выше будет расценка, тем дороже ваза будет стоить в магазине, тем бо́льшую долю внесет она в общезаводское выполнение плана.

Словом, инструкция есть инструкция. Ее не убедишь, что заготовка по художественным качествам сегодня — уже почти готовое изделие. Поэтому и не может завод выпускать гладкие, необработанные вещи в том количестве, которое необходимо, иначе — прощай, план. А с планом, как известно, шутить нельзя. И на чистый бокал ложится грань или аляповатая золотая кайма, от которой он становится в три раза дороже.

— Если бы расценки были справедливыми, мы не стали бы портить рюмки золотом, — говорит Фигуровский. — Нужно пересмотреть прейскурант, оценить «гладь» уже как законченное художественное изделие. Ведь на этих изделиях мы должны в какой то мере воспитывать вкусы. И мы можем это делать! Посмотрите, какие замечательные образцы предлагают производству художники!

Художников четверо. Борис Быков, Владимир Филатов и Геннадий Черноскутов пять лет назад кончили Ленинградское художественно-промышленное училище имени Мухиной. Евгений Рогов вырос как художник здесь, на заводе. В их мастерской я увидела то, что уже в этом году может появиться в магазинах.

Разнообразие цветовой гаммы, изящество и современность формы. Комплект бокалов — синих, лиловых, розоватых. Золотистая декоративная ваза «Космос». Простые прозрачные рюмки, низко посаженные, почти без ножки. Вазы с широкой продольной алмазной гранью. Есть вещи гладкие, массивные, толстостенные, есть — удивительно легкие и стройные.

— Мы дали заводу около трехсот новых образцов, — рассказывает старший художник Борис Быков. — Конечно, не все шло гладко. Не всегда учитывали технологические особенности стекла, его возможности. Сейчас мы уже люди опытные — смеется художник, — советуемся с рабочими, с мастерами. Знаем, что можно, а чего нельзя сделать из стекла.

Основное сейчас для завода — массовая продукция. Уникальные вещи, бесспорно, хороши. Их мы делаем и будем делать. Это сувениры, подарки, экспонаты для выставок. Но люди хотят иметь еще и хорошее бытовое стекло, красивые, современные вещи.

Зашел разговор и об изменении профиля профессии резчика в связи с переходом на гладкие изделия. Об эволюции знаменитой алмазной грани. Главное, не делать резьбу самоцелью. Ведь нарезка, закрывая некоторые дефекты стекла, закрывает и его фактуру — чистую, благородную.

Вещей новых образцов завод выпускает обидно мало. В 1961 году на 38 миллионов штук — новых было всего 3,5 миллиона. Капля в море!

— Будет больше, — сказал мне главный инженер. — В конце концов победит новое. Но этому нужно помочь. Кто это может сделать? В первую очередь Министерство торговли РСФСР. Для того, чтобы это новое победило, мы создаем техническую базу — экспериментально-лабораторный корпус. Здесь к концу семилетки будет школа мастеров хрусталя. Создадим и художественную студию, которая нам так же необходима, как химическая или технологическая лаборатория...

Перед отъездом я еще раз прошла по цехам завода. В этот день на конвейерах шел новый хрусталь. Я стояла и смотрела, как рабочий — молодой парень на высоком помосте — подхватывает трубкой огненную каплю стекла. Как эта капля превращается в почку — горячую и нетерпеливую: вот-вот раскроется... И она, действительно, раскрылась — звенящим тонкими гранями бокалом, которому, честное слово, не нужно золотой каймы.

И. СЕРГЕЕВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
ГУСЬ-ХРУСТАЛЬНЫЙ

Александр Яшин

У ДИРЕКТОРА в кабинете

Поэт Александр Яшин закончил работу над повестью «Сирота». Автор рассказывает о послевоенной деревне, о молодежи, о разных человеческих судьбах. Преодолевая препятствия, находит свое место в жизни главный герой повести — молодой парень Александр...

Сегодня мы печатаем отрывок из повести, которая полностью будет опубликована в журнале «Москва».

ЗДОРОВЫЙ, сильный Шурка постепенно втягивался в колхозную работу на положении взрослого и становился как бы главой семьи, хотя сам признавал за старшего во всем только Павла. Шурка ни разу не обижался, что вот он и зимой, и летом делает все, что положено, и по хозяйству, и по колхозным нарядам, а Павлика зимой дома нет, а летом он хоть и живет дома, но вроде как на курорте. Более того, Шурка теперь относился к своему старшему брату даже почтительнее, чем раньше. Он не только уважал его, он даже восхищался им. А то, что брат имел право ничего не делать с утра до вечера, и день за днем, вызывало в нем какое-то даже особое расположение к нему и особую предупредительность в отношениях. «У каждого своя судьба, — думал он, — не всем же быть образованными. Зато уж когда брат выучится, он сразу изменит всю мою жизнь — и мою, и бабушки».

Просить, ходатайствовать за своего брата — в этом никакого унижения для себя и для своего отца Шурка не видел. Если бы речь шла о нем самом, Шурка никогда не ссылался бы ни на какие семейные и хозяйственные затруднения, а о своем собственном сиротстве он вообще не думал. При чем тут...

Шурка прошел в кабинет директора, куда показал ему Павлик, в конце длинного светлого коридора с желтым, протертым до дыр полом, искоса оглядывая на ходу яркие стенные газеты, географические карты и лозунги о борьбе за молоко и масло, за лен и силос, о подготовке к весеннему севу на колхозных полях. Он не робел, не пригибал голову, не сторонился встречных ребят и девушек, шел свободно в своем рабочем пиджаке и кирзовых сапогах, держа кепку в руке. Он даже не спрашивал себя, зачем идет к директору школы, в которой обучается его брат. Раз позвали, — значит, надо. А роботь? Что ему роботь — он же не учится здесь и никогда не будет учиться, это не его доля. Его доля — землю пахать. Он же пробовал учиться... А землю он любит. Да и нельзя оставлять ее совсем без хозяина. Бесхозная земля рожать не будет. Надо, чтобы земля не осиротела.

— Тебе что нужно? — мельком взглянув на Шурку, спросил директор, загорелый настолько, что казался прокопченным насквозь; Шурка его сразу узнал — директор школы много раз приезжал в деревню в роли уполномоченного райкома и райисполкома либо от сельсовета по разным кампаниям. — Почему не на занятиях?

Шурка прикрыл двухстворчатую дверь, обошел широколистый фикус, возвышающийся в кадушке на табурете, и предстал перед зеленым письменным столом, на котором были и стопки тетрадей, и книги, и глобус, и микроскоп, и желтая, из деревянных палочек, модель типового скотного двора.

— Я Мамыкин.

— Что — Мамыкин?

— У вас учится мой брат. Меня приглашали.

— Простите... Тэк-тэк-тэк. Вы старший брат Павла Мамыкина? Давайте поразговариваем.

— Я его младший брат, — смутился Шурка.

Директор стал медленно подниматься со стула, словно откуда то издалека возвращался на землю.

— Тэк-тэк-тэк... Значит, вы его младший брат. Очень хорошо! Ну, что ж, очень хорошо!

— Вы меня приглашали?

— Да! А бабушка?

— Бабушка не может — стара, слаба.

— Тэк-тэк, очень хорошо! А как у вас дела идут предвесенние?

— Да ничего, идут. Только семян придется прикупать. Недавно стали проверять сусеки, а там — мыши, много семенной ржи поели. И льносемян не хватает. Сейчас вся надежда на лен. Ставку на лен делаем!

Директор начал разглаживать свои усы, оттягивать их книзу, словно они мешали ему получше разглядеть стоящего перед ним гражданина.

— Тэк-тэк... Очень хорошо! А со скотом как? Падеж в этом году был?

— Падежа не было, — отвечал, как на уроке, Шурка. — Мы что в этом году сделали? Мы на зиму наготовили возов пятнадцать веточного корму. Помогло!

— Тэк-тэк-тэк, очень правильно сделали!

— Да что уж тут правильного, если скот приходится хворостом кормить, а трава нескошенная под снег уходит?

— Это интересно! — вроде как обрадовался директор. — Не успели скосить?

— Каждое лето не скашиваем. А и скосим, так сено гниет на месте, неубранное. Бабушка моя говорит, что бог наказывает. Лучше бы уж разрешили для своих коров хоть понемногу корму заготовить...

Директор потянул усы книзу.

— Выходит, что вы хотите в первую голову кормить своих личных коров? — спросил он. — А как это называется на нашем языке, товарищ Мамыкин? Слыхали вы что-нибудь о частном секторе в народном хозяйстве?

Шурка не смутился, ответил:

— Коровы не виноваты, что они в частном секторе. Они ведь не в чужом государстве, все советские. И молоко от них пьют не буржуи какие-нибудь, а свои люди. А получается, что ни колхозных, ни своих коров не кормим. Вон какие они стали теперь, от овец не отличишь, разве это коровы — выродки! Сердце кровью обливается, как посмотришь на их жизнь.

— Тэк-тэк. Это у кого сердце кровью обливается, у вас, что ли?

— И у меня. Что я, не человек, что ли?

— А председатель ваш куда смотрит?

— Что председатель? Он все помощи ждет. Если б он меньше на кого-то надеялся, может, лучше было бы. Сам бы думать начал, и скот бы меньше скучался. И свиньи у нас голодают, жалко смотреть.

— Тэк-тэк!..

— Есть у нас такая Нюрка, маленькая девчонка. Молчунья. Ее поставили на свиноферму. А зимой свиньи от голода совсем как дикие звери. Все деревянные кормушки изгрызли. Нюрка каждое утро уходит на дому и с матерью прощается, потому что боится: схватят ее когда-нибудь свиньи и съедят. И падеж каждую зиму. Тогда что Нюрка придумала? Стала собирать конские свежие яблоки и кормить ими свиней. Навалит полное корыто, чуть посыплет отрубями да перемешает, и свиньи жрут на доброе здоровье. Падеж прекратился. В районной газете, — читали, наверно? — целая страница была напечатана, как в нашем колхозе свиное поголовье сохранили. Нюрка делилась своим опытом.

— Изобретательная девушка! — восхищенно сказал директор. — Правильно сделала, молодец!

— Конечно, правильно сделала. И молодец — тоже правильно. Только про это лучше бы в газете не печатали. Свиньям и то стыдно было...

И вдруг директор спросил:

Новости литературы и искусства

ВОЛГА ВСТРЕЧАЕТ ДРУЗЕЙ

УТРОМ на вокзала — цветы, улыбки. Так было несколько дней назад в Москве, так встретили эстонских писателей и в Волгограде. Это второй город Российской Федерации, куда приехали гости из Эстонии.

Корреспондент «Литературной газеты» связался по телефону с секретарем правления Союза писателей РСФСР Н. Дориво, который приехал в Волгоград вместе с гостями, и попросил его рассказать об эстонских днях в городе на Волге.

— Пребывание эстонских писателей здесь,— сказал Н. Дориво,— я назвал бы большой, радостной и плодотворной работой. У них — ни минуты свободного времени. Вчера с утра эстонские друзья осматривали исторические места города, побывали в Музее обороны Царицына—Волгограда на Мамаевом кургане. Героическая оборона Волгограда вызвала в памяти славные подвиги эстонцев в годы войны. Дружба, скрепленная подвигом,— самая крепкая дружба.

Вечером во Дворце культуры Волгоградского тракторного завода состоялся вечер эстонской литературы. Мне хочется подчеркнуть, что эстонские дни в Волгограде— это праздник не только местных литераторов, но и всех жителей города. Наряду с писателями и переводчиками выступали читатели-рабочие. Они говорили о большой популярности, которой пользуются на волжской земле произведения Ю. Смуула, Р. Сирге и других эстонских писателей.

Вчера гости из Эстонии побывали в городе Волжском, осмотрели Волжскую ГЭС имени XXII съезда КПСС. Затем в местном Дворце культуры состоялся вечер эстонской литературы и искусства.

Новинки

ПЕРВЫЙ РОМАН ЛИЛЛИ ПРОМЕТ

Писательница Лилли Промет, известная эстонскому и русскому читателю как мастер миниатюры и новеллы, написала первый свой роман — «Деревня без мужчин». Роман этот был отмечен жюри республиканского конкурса еще два года назад, и читатели с нетерпением ждали выхода книги в свет. И вот книга вышла в Таллинском издательстве.

Роман рассказывает о жизни эвакуированных эстонцев, заброшенных ураганом войны в далекую татарскую деревню. Герои романа — представители молодой Советской Эстонской республики по-разному «вживаются» в новую для них обстановку колхозной жизни. В их мировоззрении, в отношении к труду, к окружающим людям постепенно происходят изменения, совершается неизбежная переоценка духовных ценностей, возникает новое понимание вопросов войны и мира, дружбы, любви...

Вышедшая книга — лишь первая часть задуманной писательницей трилогии, но она воспринимается как самостоятельное, законченное произведение.

ЧАРЫ АЛТАЯ

Г. ТРЕФИЛОВА

Журнал «Новый мир», 1962, №№ 1—3. «Роман-газета», 1962, №№ 7—8.

КТО СКАЖЕТ, где кончаются права литературной критики, где начинаются ее обязанности. Непременно ли она должна выставлять оценки, следить за благопристойностью сочинителей, клеймить, отпускать грехи?

Хочу думать вместе с писателем, вслед за ним идти в его страну и понять ее. Ведь каждая книга — особая страна. Она не сразу открывается вся. Искусство бывает порой немного похоже на «загадочную картинку», и кто не согласится, что это — одна из его прелестей?

НЕ БЫВАЕТ рассветов ни в горах, ни в степи, чтобы они не обещали неизведанного дня, и даже в пустыне, где солнце, поднимаясь, всякий раз освещает одни и те же дали, сегодня дышится совсем иначе, чем вчера.

Не бывает в пути двух одинаковых закатов, и дважды не занимается одним и тем же огнем бивачный костер...»

Две-три первые фразы, — и вы легко угадали их плавный, ласкающий ритм. Вы уже во власти этой интонации легкого раздумья, вы ждете повествования размеренного, спокойного. И вы не обманулись. Это книга С. Залыгина «Тропы Алтая».

Не того Горного Алтая, всего лишь известной географической области, куда с научными целями отправилась экспедиция профессора Вершинина в составе семи человек: нет, другого, где что ни шаг, то новая страна — иные в стране дали, иные камни и деревья: «двух травинок, двух лепестков, двух одинаковых хвоинок нет в лесах».

Что из того, что тропы этой страны уже давно исхожены кем-то? Она станет откровением и судьбой для Онежки Кореньковой, студентки: она будет большим итогом в жизни географа Рязанцева и аспиранта Лопарева; она сделает явными несостоятельность и поражение «перспективного» кандидата Реутского и поставит перед неким выбором самого профессора Вершинина, его сына Андрея, тщеславную красавицу Риту Плонскую.

Вместе с ними и мы словно откроем ее впервые: каждому она шепнет что-то свое, каждого рассудит с самим собой, с людьми.

Итак, Алтай. Прекрасный, приветливый край, полный тайн и богатств, край, где глаза людей так же ясны, как воды незамутненных озер. Край синеоких: случайно услышанная одним из героев, странно красивая фамилия — Синеокая — становится в книге почти что символом родной автору «обетованной земли».

Не это ли — желанная полнота жизни, нежданно-негаданно снизошедший вдруг на человека покой и гармония? Внимательные, зоркие люди — исследователи и хозяева, поэты или ученые, и природа, ожидающая добра и сама его несущая.

Рядом с мощью чьих-то роковых страстей и разбушевавшихся стихий все это может показаться слишком идиллическим и незначительным: ученые споры коллег и учеников профессора Вершинина, маленькие личные проблемы «красавицы» Плонской и «дурнушки» Кореньковой, — скучно, мелко! Но подождите. Не так ли — не очень зрячие, не очень любопытные — проходим мы зачастую мимо того, что все вместе и составляет жизнь: мимо чьей-то улыбки и чужого горя, мимо большого счастья и большой беды, если она сама не раскрылась нашим ленивым или усталым глазам? Не так ли, бывает, «человек переносит войны, болезни, жертвы, и все ради самой обыкновенной жизни, а когда она наступает — обыкновенная, — не умеет ее прожить».

В книге Залыгина пытливые глаза Алтая всматриваются в путешественников тревожно и пристально — так, будто спрашивают их о чем-то. О чем этот безмолвный вопрос? Прислушаемся: в голосе автора нет-нет да и послышится беспокойство, нежелание упустить что-то важное, жадность к миру, его красоте, его неповторимости, боязнь за человека и за судьбу края. «Еще в детстве он полюбил Алтай... И ему хотелось, чтобы в этом уголке земли человек ничего бы не искалечил, ничего не потерял раз и навсегда, никогда не заслужил бы упрека потомков за растраченные попусту, разметанные богатства, которыми наделила этот край природа».

Когда мы вникнем в общий смысл развернутой перед нами картины, когда яснее проступит расплывчатый, кое-где нечеткий от избытка подробностей узор, — тогда рухнут условные границы типажей и откроется главное: внутренняя наполненность, интенсивность этой «уравновешенной» жизни, ее причастность к большим заботам науки, общества, природы, — заботам Земли.

Что же взрывает эту жизнь изнутри, мешает беречь и умножать красоту, обогащать ее поэзией и наукой? Какие тени ложатся на безмятежные, приемлющие человека просторы?

А вот: непобежденные силы случайности, всякий признак неразумия и недальновидности человека, любое его поражение, а больше всего — его измена самому себе. И еще одно: непрочность, невозобновимость жизни...

Умирает Онежка. Онега Коренькова, простенькая студентка, в которой все, кроме странного ее имени, было так обычно, что никто не ждал от нее ничего замечательного, особенного. А она — сероглазая, невидная — была из «синеоких», была дитя Алтая, тайная его тревога, может быть, его поэтическая душа, переполненная трепетом и восторгом открытия мира. Ей была дана способность глубокого, органического единения со всем окружающим, способность внутреннего зрения и слуха, открывавшая ей в одном слове или жесте человека то, что произносится им лишь про себя. Люди не говорили словами, а «звучали» ими для Онежки.

Она погибает от случайности: от нераспознанной вовремя болезни. Почему же ее спутники переживают не только горечь от сознания несвершенности этой жизни, но и мучительное чувство вины? Оно гнетет и взбалмошную Риту, и Рязанцева, и мудрого практика Лопарева: «Уморили девчонку! Уморили!» — спохватившись, говорит он. Занятые чем угодно другим, не заметили, когда Онежке было плохо, не прислушались, когда она пожаловалась на нездоровье. Проглядели человека, просто **не обратили внимания**. Эту враждебную жизни силу **невнимания** словно олицетворяет самодовольный, упоенный собой профессор Вершинин. Эта сила стала второй причиной смерти Онежки. А могла бы не стать.

Роман «Тропы Алтая» не ведет нас целеустремленно к трагическому или оптимистическому концу. Он как будто никого не винит, не оправдывает, не обличает. В нем есть несколько сливающихся друг с другом потоков событий и нет единого сюжета, единого конфликта, ни даже единого ракурса. Прошлое — разное у каждого героя — и настоящее, на время объединившее всех, предстают как последовательная смена биографий действующих лиц. Это построение весьма безыскусственно, и в смысле внешнего действия роман на редкость статичен. Беспорядочно, хаотично собранные наблюдения, воспоминания, размышления было бы трудно осмыслить, если бы, однако, не было этих взаимных «перекрестных» оценок и характеристик: они постепенно выявляют и отношения между людьми, и внутреннюю суть каждого из них. Происходит медленный, неуклонно идущий — сквозь подробности и с их помощью — процесс **духовного высвечивания** человека. Это и составляет главную задачу романиста.

Так жизнь и смерть Онежки — по контрасту, по сложному соотношению — многое проясняют в облике профессора Вершинина, фигуры по-своему драматической и явления, безусловно, социально значительного. Если Онежка с ее особенной участью, с ее глубоко индивидуальным внутренним миром в некотором смысле единственна, исключительна, то Вершинин — определившийся, устоявшийся тип.

Истоки, условия его развития и процветания могут быть различны, конечный общественный результат — один.

В молодости Вершинин подавал большие надежды как ученый-географ. Надежды он оправдал: у него — «имя», заслуги, звания, ученики. В свои неполные шестьдесят лет, на пороге «большой Академии», он остался бодр и деятелен: ездил в экспедиции, заседал, публиковал научные труды.

Но это — внешняя сторона его жизни, ее солидный академический щит. Щит не спасает ни от глубинного внутреннего недовольства (одно из «звучащих» слов Вершинина — слово **недоумение**), ни от легкого, но достаточно обидного пренебрежения окружающих. «Тоже мне ресурс — этот самый Вершинин!» — отзывается о нем саркастичный друг Рязанцева Сеня Свиридов, а Онежка жалеет Андрея Вершинина: «Вот как бывает — у такого сына и такой отец!» Ему не прощали ни наивного хвастовства, ни эффектных жестов, ни барственных хозяйских повадок. Потому что видели: Вершинин не нужен Алтаю, и Алтай давно не нужен Вершинину. Он и сам начинал уже думать иногда при виде реальных гор и долин, будто все это «существует лишь внешне, словно в панораме, тогда как подлинный Алтай с его растительностью, животным миром, геологией, историей... остался у тебя дома, в ящиках письменного стола, в картонных папках с рукописями...»

Давно задуманная им «Карта растительных ресурсов Горного Алтая» устарела, требовала поправок, соответствия с действительностью. А он этого не хотел. И карта, и экспедиция стали для него жизнеподобной фикцией, позволявшей ему долгие годы слыть авторитетом и в сутолоке научно-административной деятельности не упускать возможностей возвышения, жить в атмосфере соперничества, продвижений по службе, когда научное открытие служит всего лишь отправной точкой академической карьеры.

Ученый в нем агонизировал, — не без мучений, угрызений совести, внутренней раздвоенности, попыток сопротивляться. Но то, что он считал «обузой», временным насильственным состоянием, все больше становилось его сущностью, содержанием его жизни.

Для Вершинина все это началось с Барабы. «Нету на вас Барабы!» — повторял он тем, кого винил в неосмотрительности, хотел урезонить. Болота Барабинской низменности, свидетели его первого поражения, сломили Вершинина, заставили отступить.

Драма Вершинина, драма ученого-честолюбца, — в том, что, не выдержав очень серьезного, трудного нравственного испытания (не знания, не ума, не способностей, — мужества прежде всего потребовала от него Бараба, и мужества не нашлось), он принял компромисс, услужливо предоставленный ему действительностью, и навсегда сделал его своей религией, своей философией и жизненной программой.

Он не был счастлив. Компромиссом был его Алтай, в сущности, глубоко ему безразличный, но доставивший ему положение и внешние знаки почета, неудачей — два его вполне благопристойных брака, разочарованием — дети, кроме Андрея, с которым, однако, у него тоже не было общего языка.

Он вовсе не подлец и не мерзавец. Он опасен не силою активного, воинствующего зла, а силой инертности, лукавой, ложной мудростью надорванного человека, считающего себя не только хитрым, умным, но и правым. В этой поглощенности собой, в этом ослеплении он не способен ни увидеть, ни поддержать то, что сам когда-то начинал и чему изменил.

И теперь на Алтае, он проглядел не только Онежку. Он отвернулся от первого самостоятельного открытия своего сына, от него уходит Лопарев, его не приемлет «правильный» Рязанцев. Он остается доволен лишь «перспективным кандидатом» Реутским, но тот и сам — всего лишь паразитический околонаучный грибок, полный честолюбивых расчетов: он, а не Андрей — «научное следствие» Вершинина и его бесцветный преемник.

Онежка и Вершинин невольно оказываются полюсами двух разных миров, к одному из которых принадлежат — или мечутся между ними — все остальные герои.

За Онежкой и рядом с ней — прозрачный мир «синеоких», долженствующий быть миром сложной простоты, непрестанных открытий, где человек, в душевном единении с другими людьми, хочет **«быть небесполезным на земле»**, где он — ее друг, ее устроитель.

За Вершининым, — чем далее, тем более окончательно, — мнимый, фальшиво сложный мир искусно маскированного духовного бессилия, мир нетворческий и ядовитый. Он берется представлять вершины современной культуры, он действует от имени науки, тем самым компрометируя их. Он движет человека к той грани, где наука становится лженаукой, любовь — всего лишь «рабочей гипотезой», жизнь — непраздной, но бесплодной суетой.

Он подстерегает не только слабых и неодаренных. Как болота Барабы, он увлекает талантливых, умных, красивых. Он затянул многих Вершининых. В тенетах его, как пленница суеты, мается красивая Рита Плонская с ее маленькой трагедией непомерно раздутого женского тщеславия. С большим трудом вызволяет ее младший Вершинин, но вызволяет не окончательно: ему еще предстоит решительное столкновение с отцом, предстоит выбор.

Тропы Алтая оказываются разными. Они размежевывают героев, уводят их в противоположные стороны.

Симпатии автора ясны. Сколько бы ни старался он быть беспристрастным и ко всем равно благожелательным, он не может скрыть своего восторга перед всем, что есть Алтай или что тяготеет к нему. Он описывает реку, как женщину: «За селом Сростки показалась Катунь: давно уже нарисованная воображением Рязанцева, она вырывалась из теснин и ущелий в широкую долину, была еще вся взволнована и Рязанцева взволновала тоже...» Он описывает женщину, как реку: «Она вдруг остановилась... потом подняла розовую руку в коротком рукаве... На руке ее при свете солнца ясно проступали тончайшие, очень короткие волоски, **точно такие же, как были на листьях трав кругом**».

Но именно потому, что автор так подробен, что он дает нам возможность узнать всех, кто приобщен к «синеоким»: и жену Парамонова, и встреченного Ритой старика-алтайца, и женщину-пасечницу, и многочисленное семейство Шаровых, — мы вдруг понимаем: гармония этих людей, этого мира — гармония неведения. Он хорош и действен, пока судит и отрицает Вершининых, но тотчас меркнет и рушится, как только предлагает себя взамен.

Нет, этот мир не идеален: иначе он не потребовал бы и не потерпел вмешательства, не ждал бы таких, как Рязанцев, Лопарев, как Андрей. Это понимает и автор, — и все же как непреодолимо соблазнительно оказывается растворить некоторые «сложности» современной цивилизации, волнующие Риту, Андрея, того же Вершинина, в патриархальной мудрости простого бытия, где царят незывленные отношения между людьми, между человеком и природой, где неразрешимы исходные древние основы семьи, где слова «муж» и «жена» звучат так же первозданно, как в незапамятные времена, «когда Адам пахал, а Ева пряла». Но слияние с этим миром — не выход: это только возвращение к чему-то изначальному, может быть, и прекрасному в своем роде, в свое время, но уже безнадежно архаичному.

Поэтому вызывают такое активное несогласие фальшивые сцены «брачного поединка» Андрея и Риты, назойливые и наивные учительные беседы ее с алтайцем, с «неопрятной» пасечницей, представляющей, как и жена Парамонова, образец естественной женственности. Слишком умильны и картины жития «святого семейства» Шаровых, про которых многозначительно сказано: «Шаровы-то такие люди, такие люди — на них посмотришь, и вроде жизнь по своим местам расстанавливается».

Как ни мил, как ни хорош этот Алтай, он уже не целен и не стоек: он или беззащитен, как Онежка, или покорен воле сильного, как жена Парамонова, или туп, как сам Парамонов, жаждущий авторитарности.

Не здесь решатся проблемы героев, а во многом — и самого края. Не здесь, а где-то вне определится назначение пока лишь резонерствующего Рязанцева, сложится или не сложится новая жизнь Риты, произойдет или не произойдет окончательное самоопределение Андрея. Ведь это они смогут или не смогут отстранить и сменить Вершинина, схватиться наконец с цепкой Барабой и одолеть ее.

Здесь кончаются чары Алтая, здесь ему изменяет дар ясновидения. Что ж! Не все еще тропы исхожены нами на обетованной земле. И Алтай — еще не конец. Он только этап увлекательного «путешествия в неизвестное» — «узнавания человека».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

МИКОЛА КУЛИШ вошел в советскую драматургию в 1924 году пьесой «97», прогремевшей по всей Украине и за ее пределами. Но после 1934 года в течение почти четверти века имя этого талантливого писателя, прошедшего сложный творческий путь, оставалось вычеркнутым из истории советской драматургии и из репертуара театров.

Но, вопреки опасениям скептиков, оказалось, что десятилетия, протекшие со времени создания его пьес, не лишили их драгоценного свойства потрясать сердца. Мало того, стало очевидным, что драматургия М. Кулиша несет в себе некоторые ценнейшие для актера свойства, не всегда, к сожалению, присущие пьесам, более близким к нам по времени. Это подтверждается творческой практикой: и Одесский украинский драматический театр имени Октябрьской революции, поставивший пьесу «Патетическая соната», и Народный театр завода «Большевик», показавший в текущем сезоне «97», и молодежь Киевского театрального института, и актеры Херсонского украинского драматического театра, играющие «Маклену Грасу», находят в драматургии М. Кулиша щедрые россыпи подлинного искусства.

Примером того, как ярко раскрываются молодые таланты в работе над драматургией М. Кулиша и какие трудности встают перед ними при этом, может служить постановка «Маклены Грасы» выпускниками театрального института (художественный руководитель курса М. Крушельницкий).

Действие пьесы переносит нас в панскую Польшу в годы экономического кризиса, жертвой которого становится присосавшийся к предпринимательской верхушке маклер Зброжек. Каждую минуту своей жизни он «превращал в монету и откладывал на счетах», и вот, уже стоя на пороге осуществления своей заветной мечты — купить фабрику, — он теряет все.

Крах банка — крах всех надежд, крах его жизни, у которой нет и никогда не было иного содержания, кроме обогащения. Выхода нет, и Зброжек уже готовится покончить жизнь самоубийством. Но ведь семье самоубийцы не положено, по закону, страховой премии! А нельзя ли как-нибудь обойти этот закон? Минута раздумья — и выход найден. Изворотливый маклер сумеет «заработать» и на своей смерти: надо только найти человека, который за деньги согласится убить его, маклера Зброжека, и будущее его жены и дочери будет обеспечено, они получат страховку.

И вот он выступает перед нами как организатор собственного убийства. Ситуация, что и говорить, парадоксальная, заставляющая вспомнить горьковское выражение «трагический балаган».

Богатейшие возможности для актерского исполнения дает центральный образ пьесы — Маклены Грасы, девочки из подвала, несущей в себе светлую веру в победу над растленным и страшным миром собственничества. И надо сказать, молодая актриса С. Кучеривская использовала эти возможности, достигнув подлинного драматизма в кульминационных сценах пьесы, создав исполненный искренности, чистоты и мужества характер.

Когда смотришь на сцене «Маклену Грасу», трудно поверить, что пьеса написана три десятилетия назад. Она современна и по своей беспощадной пламенной обличительности, направленной против собственнического мира, и по неколебимой вере в победу народных сил, и по смелому новаторству.

Пьесы М. Кулиша, мы убеждены, должны прочно вернуться на нашу сцену.

КИЕВ **Е. СТАРИНКЕВИЧ**

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Приношу мою глубочайшую и сердечную благодарность всем, кто вспомнил и поздравил меня с семидесятилетием со дня рождения и с пятидесятилетием моей писательской работы.

К. ПАУСТОВСКИЙ.

А. Неренд. СТРОИТЕЛИ. (Журнал «Лоомнинг», № 5, 1962 г.).

— Вы, случайно, не бригадир, товарищ Мамыкин? Не председатель колхоза?

Шурка сразу осел, застеснялся.

— Почему вы не учитесь, молодой человек? Как тебя звать?

— Александр.

— Так почему же ты, Александр, не учишься?

— Павлик учится.

— Павлик?

— Да.

— А ты что?

— А я уж буду на земле.

— Вот для земли-то и надо бы учиться.

— Нельзя мне, Аристарх Николаевич.

— Тэк! Не понимаю. А ну-ка садись, Александр!

Шурка сел на стул под фикусом.

— Не понимаю, — повторил директор.

— У нас так ведется, Аристарх Николаевич: если всем учиться нельзя, — старший учится. И бабушка хочет, чтобы Павел выучился, скорее помощь придет.

— Значит, бабушка за Павла стоит?

— Да! И Прокофий Кузьмич, председатель наш, на него очень надеется. А я — чтобы земля не осиротела.

— Как ты сказал? — переспросил директор. Александр смущенно промолчал.

— Значит, чтобы земля не осиротела? Тэк-тэк! Хорошо сказал! — директор подвинул к себе тетрадку и записал что-то на чистой линованой страничке, словно поставил Шурке отметку за хороший ответ. — А Прокофий Кузьмич ваш... что ж, Прокофий Кузьмич, он действительно все на кого-нибудь надеется. Не просчитается он с Павлом, не ошибется, как ты думаешь?

Александр опять промолчал.

— Я хочу сказать, — пояснил директор, — будет ли ваш Павел потом работать в колхозе?

Что мог ответить на это Александр? Разве Павел учится для того, чтобы работать в колхозе? Бабушка об этом думает совсем иначе. А как думает об этом сам он, Шурка, я думал ли он об этом когда-нибудь и как следует?

— Прокофию Кузьмичу виднее, — сказал он невнятно. — Надо же кому-то и в люди выходить.

Директор удивился.

— Вот это, батенька мой, что-то не то. По-моему, ты говоришь не свои слова. На тебя это не похоже. Чужие слова повторяешь! — и Аристарх Николаевич потянул усы книзу. — Прокофий только и ждет, чтобы на пенсию выйти, а ты говоришь — ему виднее. Да что ему виднее? Все ли он видит, твой Прокофий Кузьмич? Видит ли он тебя, например?

А на это Шурка не мог ничего ответить. Директор опять что-то записал в тетрадку и заговорил, словно о чем-то другом, очень спокойно:

— Отец твой — я же его хорошо знал! — обязательно бы стал тебя учить. Тебя, а не Павла.

— Почему не Павла?

— Да вот так: тебя, а не Павла!

— Пускай уж лучше Павлик учится, — тихо сказал Шурка.

— Вот именно: если бы лучше! Не получается что-то у твоего Павлика, дорогой мой Александр. Не получается!

— Что не получается? Как?

— Да вот так, не получается.

Александр заволновался, оперся руками о стол, словно раздумывал — встать ему и уйти сразу или остаться и слушать, что скажет директор еще.

И директор сказал еще:

— Опять на второй год остается ваш Павлик.

Тогда Шурка понял и испугался.

— Не оставляйте его, пожалуйста! Он у нас старший... и сирота... — торопливо стал просить он.

— Старший, да! Годиков ему многовато. А насчет сиротства — ну сколько же можно? Подрос уже... Выходит, он сирота, а ты его покровитель? Нельзя ему больше оставаться на второй год.

— Нельзя, бабушка очень худа стала! — подтвердил Александр. — А мы с ним поговорим, он все поймет. Он же у нас... Мы на него так надеялись... Как же это он?.. — говоря так о старшем брате, Шурка пока недоумевал больше, чем негодовал.

— Тэк-тэк, понимаю, — снова задумчиво затакал директор. — Тэк-тэк... Бабушка, значит, не в курсе дела, ничего не знает?

— Бабушка ничего не знает. Но мы поговорим с Павликом.

— Ну, хорошо!

Директор рассказал Александру о школах фабрично-заводского обучения, о ремесленном училище, куда он рекомендует направить Павла, — как раз будет очередной набор. Шурка ничего не слыхал об этом обучении, но по словам директора выходило, что это прямой путь в инженеры, и он успокоился: чем инженер хуже любого районного начальника? Значит, в судьбе брата ничего не меняется? Но что же он думает все-таки?.. Как же он все-таки мог?..

— А тебе, Саша, еще раз говорю: хорошо бы поучиться самому. На себя надо больше надеяться! — заключил Аристарх Николаевич, поднимаясь с кресла и доброжелательно глядя ему в глаза, отчего Шурка покраснел. — Конечно, без отца, без матери плохо жить. Иные с пути сбиваются, растут вкривь и вкось. Но ведь это не со всеми случается... А отец у вас был настоящий работяга. Не думаешь же ты, что он в люди не выбился? Поучиться бы тебе...

Шурка понял, что понравился директору школы, и это ему было приятно. Из кабинета он вышел в хорошем настроении, даже о Павле не стал думать плохо. Но через несколько минут он вернулся:

— Извините, Аристарх Николаевич, я воротился... Бабушка у нас очень плоха, я ничего не буду ей говорить. Пожалуйста, не передавайте ей ничего...

Аристарх Николаевич пожал Шурке руку.

Николай ГРИБАЧЕВ

Подражания моде

Вселенная на квасе

(Философия)

Что, белый стих? Пожалуйста, пусть белый!
Оранжевый! И желтоватый даже!
Лепя себе к строке строку помалу —
Глядь, что-то и получится, авось...

К примеру — квас. Ну, что он? Чуть дрожжей
Да корочек прожаренных для цвета,
Воды по мерке и муки по норме,
И все в дежу — бушуй себе, броди!

О, эта музыка квасоброженья —
В ней шепоток влюбленных, шелест шелка,
Шуршанье стрекозиных крыльев, шорох
Посеребренной понизу листвы.

В которой, фотосинтезу подвластны,
Соединяются частицы света
С частицами вечнотекучей влаги,
Как в нашей жизни души и сердца.

И — вот он, квас. Но не питье он просто,
Не просто средство жаждоутоленья,
Как это кажется ленивой мысли,
А песня века, тайна бытия.

В нем океанская играет пена —
Оттуда ведь приходит к нам вода,
Которая кочует облаками,
Похожими на сизоватый лед;

В нем также солнце — рожь растила в поле,
Она горела под зарей, как пламя,
Сосала землю и стремилась к небу,
И звездный свет, и облака пила.

И пусть теперь в бутылке все. Так что же?
Она ж бутылка из песка, который
Сперва синел вершиной поднебесной,
Потом был камнем, с веревитьем жил,

Входил в свой срок в основы мирозданья,
В египетские впаян пирамиды
И в качестве оконного стекла
В квартиры наши пропускает солнце.

И в час, когда, откупорив бутыль,
К губам напиток буйный ты подносишь,
Ты сразу пьешь и океан, и солнце,
И всякое иное вещество.

Поскольку, как доказано вначале,
Тот квас в себе одном соединяет
Мельчайшие росинки и планеты,
И мудрость нашей матери-земли.

Эй, люди! Пейте квас! Хотя и в пиве,
Как разберешься, обнаружишь то же...
О, господи, пора б остановиться,
Ан нет, невмочь — несет вот и несет!

Безразмерная идиллия

(Лирика)

Пишу стихи бездактильно, безъямбно
На тему новую — любовь и пол,
И на скамейках встречи без изъяна
Проводятся влюбленными с тех пор,

И морщатся мужья как бы от хрена,
И старые ревут холостяки,
Безамфибрахийно и бесхорейно
В бездактильные влюблены стихи.

Лишь критики, что вечно роют ямы,
Сыскав мои портянки на луне,
Подсовывают дактили и ямбы,
Но в мраморе на памятник отказывают мне!

Я и мю-мезон

(Поэза для роботов)

Я на арене века гладиатор,
Я автор, радиатор и вибратор,
И даже санинспекция и секция,
И даже специя.

Как перец и аджика,
Но не для едоков — для остряков.
Я сквозь вселенную капроновою жилкой
До Магеллановых натянут облаков.

Не та была пора иль та пора была —
Не знаю.
Я громлю исконность и посконность,
Мой путь — гипербола или парабола
Плюс синус, перемноженный на конус,

Античитателю гну антистих беспечно
Сквозь горизонт
Из зал,
И зол,
И зон.
Я — факт поэзии,
я что-то, даже нечто,
Я — позитрон,
входящий в мю-мезон!

Вселенная, скуля, мне в палец тычется,
МирА
и мошкара
«Ура!»
орут с пера —
Пускай стихи читает электричество,
А мозг и сердце сдать в утиль пора!

ГОСТИ ИЗ ЭСТОНИИ * О НОВОМ РОМАНЕ СЕРГЕЯ ЗАЛЫГИНА
*** *ПРОЗА ПОЭТА* * Н. ГРИБАЧЕВ: на литературные темы**
*** Второе рождение пьес украинского драматурга.**

ВСКИПАЕТ ЯРОСТЬ НАРОДОВ

Эйвинд Болстад: ПРЕКРАТИТЬ БЕЗУМИЕ!

НИЧЕМ нельзя измерить меру негодования, охватившего меня, когда я узнал о возобновлении американцами испытаний ядерного оружия на Тихом океане. Это преступление — преступление против меня, против моих детей, против всего человечества. Поэтому я еще и еще раз хочу сказать: «Нет! Нет ядерному оружию! Немедленно прекратите безумие — остановите начатые на острове Рождества испытания ядерного оружия!»

Так ответил советскому журналисту В. Вавилову на вопрос, что он думает об американских ядерных взрывах, известный норвежский писатель Эйвинд Болстад.

— Я живу, — продолжал Болстад, — в Бергене, который известен своими обильными осадками. Поэтому любое заражение атмосферы продуктами ядерного распада сразу же непосредственно губительно отражается на здоровье бергенцев. Но думать приходится не только о бергенцах. Жизнь и здоровье всего человечества поставлены на карту. Ядерный ад грозит миру, если не будут приняты срочные меры,—ядерное оружие должно быть запрещено!

— Я не только проклинаю ядерные испытания, но и всем сердцем поддерживаю широкое движение протеста против них, развернувшееся и в Норвегии, и во всех странах мира,—говорит Болстад.

Многие профсоюзные, партийные и пацифистские организации Норвегии выступили с решительными протестами против ядерных испытаний на острове Рождества. Демонстрации протеста в норвежской столице и других городах, антиатомные походы по стране, петиции женщин, «сидячая забастовка» студентов перед зданием американского посольства в Осло, постоянное пикетирование посольства, бесчисленные резолюции протеста, направляемые в адрес американского правительства, — таковы некоторые формы борьбы норвежских сторонников мира против американских ядерных испытаний.

24 ОЧАГА ВОЙНЫ

Карта размещения 24 ракетных баз на территории США появляется на страницах американской прессы впервые. Карту сопровождает устрашающая надпись: «1 000 ракет дальнего радиуса действия готовы и нападению — если это будет необходимо... Ядерные испытания на Тихом океане — доказательство того, что США, а не Россия, являются самой мощной ядерной державой мира. Ракеты, вооруженные ядерными бомбами, находятся в боевой готовности на море и на суше».

Итак, 1 000 ракет готовы. Готовы к чему? «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» не скрывает этих целей: «При любых условиях быть в состоянии нанести первый удар».

«Но это только лишь начало!» — многозначительно восклицает журнал. Можем заверить мальбруков из «Юнайтед Стейтс ньюс»: конец будет не таков, как они предполагают!

Доктор Спок протестует

«Никогда не волноваться» — таков был девиз доктора Спока, известного американского педиатра и автора многих книг по воспитанию детей. Однако с некоторых пор, говорит доктор Спок, он сам очень взволнован. Его тревожит судьба детей в связи с продолжающимися атомными испытаниями. 60 американских газет опубликовали его протест против проводимых Соединенными Штатами ядерных испытаний в атмосфере. Популярность доктора Спока в Америке настолько велика, что его слова заставляют многих задуматься...

По решению Всемирного Совета Мира прогрессивное человечество отмечает 50-летие со дня смерти великого румынского писателя и гражданина Иона Луки Караджале. Большой вечер памяти выдающегося патриота Румынии состоялся в Центральном Доме литераторов. Его открыл Константин Симонов.

О творчестве И. Л. Караджале рассказал драматург Афанасий Салынский. Перед участниками выступил посол Румынской Народной Республики в СССР Н. Гунна.

«Тот факт, — заявил Н. Гунна, — что в эти дни, когда по всей Румынии организуются большие национальные торжества, общественность Москвы столь представительно, столь дружно и тепло отмечает 50-летие со дня смерти Иона Луки Караджале, является еще одним свидетельством той братской дружбы, которая навеки связывает румынский и советский народы».

Н. Гунна подчеркнул особое значение, которое имеет для развития братских отношений между нашими народами предстоящий визит в Румынию партийно-правительственной делегации Советского Союза во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Румынский народ, заявил Н. Гунна, с огромным энтузиазмом ждет этого большого события.

Вместе с советскими писателями, деятелями искусств и представителями общественности в президиуме вечера находилась делегация румынского Общества дружественных связей с Советским Союзом во главе с Сави Георге.

«ШЕСТЕРКА», «СЕМЕРКА» И АМЕРИКАНСКИЙ ТУЗ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Симпатии США с самого начала были на стороне «шестерки», участники которой связаны с атлантическим блоком, а не на стороне «семерки», куда вошло несколько нейтральных государств. Вашингтон не поддержал Англию в борьбе против «общего рынка».

Американский козырной туз решил исход борьбы. В этом главная причина того, что Англия сдалась, просила принять ее в ЕЭС.

ДРАКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Но решение Англии, продиктованное американской финансовой нянькой и ее западногерманскими любимчиками, отнюдь не внесло успокоения. 31 июля 1961 года было лишь началом неприятностей Гарольда Макмиллана. Влиятельный журнал «Экономист», обвиняя британского премьера, которого он всегда поддерживал, в необдуманном шаге, писал недавно: «Над Европой нависе призрак двух людей — де Голля и Аденауэра, старающихся управлять Западной Европой, чтобы отстранить Англию. И этот призрак отнюдь не плод воображения». Против Макмиллана выступают даже члены его правительства, среди них видные министры, целые организации, влиятельные общественные деятели, профсоюзы.

Семь месяцев — с ноября 1961 года по май 1962 года — продолжались в Брюсселе с небольшими перерывами переговоры между представителями «шестерки» и англичанами. Одна из бельгийских газет с мрачным юмором сообщала, что два британских эксперта не выдержали нажима и скончались за это время от разрыва сердца. Французская газета «Франс суар» сообщает о тупике, создавшемся в Брюсселе. «Решение о том, что в июле будут разработаны условия приема Англии в ЕЭС, — писала газета, — единственное решение, принятое за семь месяцев. Все это напоминает квадратуру круга...»

«Мы не можем рассчитывать на уступки и должны будем принять жесткие условия Римского договора в случае присоединения», — пишет английский еженедельник «Трибюн».

Но жесткие условия, которых требует от Англии «шестерка», вызывают решительное противодействие членов Британского содружества наций. Тревогу Содружества разделяют те круги метрополии, чьи интересы связаны с имперской торговлей. И это не удивительно. Речь идет о «святая святых», об утрате тех преимуществ, которыми пользовались Англия и страны стерлингового блока на протяжении долгих десятилетий. Дело не только в том, что, вступив в «общий рынок», Англии придется ликвидировать все предпочтительные тарифы, которыми была ограждена торговля метрополии, Австралии, Канады, Новой Зеландии и ряда зависимых от Англии стран, но и в том, что она окажется в одинаковом положении с остальными членами ЕЭС. Англии придется после вступления в «общий рынок» воздвигнуть таможенные барьеры против товаров Содружества. Больше того, французские, итальянские, голландские сельскохозяйственные продукты и тропические продукты из колоний стран — участниц «общего рынка» будут пользоваться в Англии предпочтением по сравнению с импортом из Содружества.

Британские правящие круги пытаются заверить своих партнеров по Содружеству, что они останутся верными своим имперским обязательствам. В этом клялись и Данкен Сэндис, побывавший со специальной миссией в Австралии и Новой Зеландии, и лорд хранитель печати Эдвард Хит, ведущий переговоры от имени английского правительства с представителями «общего рынка», во время свидания с канадским премьером Диффенбейкером. Но этим клятвам не верят.

1 июня премьер-министр Австралии Мензис и заместитель премьера Новой Зеландии Маршалл заявили решительный протест Макмиллану по поводу первых робких практических шагов Эдварда Хита в Брюсселе. Агентство Франс Пресс пишет, что заявление Мензиса и Маршалла — нечто большее, чем паника и гнев, — это торжественное предостережение. Близкая к Макмиллану печать в свою очередь обвиняет премьеров Содружества в нелояльности: они заявили протест в самое неудачное время, когда Макмиллан находился в Париже и вел переговоры с президентом де Голлем. Глава французского государства, как известно, возражает против вступления Англии в ЕЭС и создает одну трудность за другой на британском пути к «шестерке».

Ожесточенные споры, резкая критика в адрес Макмиллана раздавались 4 июня в традиционный час ответов на вопросы в палате общин. Эдварда Хита и Гарольда Макмиллана обвиняли в пренебрежении к интересам Содружества, в предательстве всего, что дорого нации, в готовности пожертвовать британским суверенитетом и превратить Англию во второстепенную державу.

Но никто из выступавших не сказал главного: капитуляция Англии перед «шестеркой» — прямое следствие всей послевоенной политики английских правящих кругов, ее логическое развитие. Это — плоды возрождения германского милитаризма, поддержки агрессивных планов Западной Германии, лихорадочного восстановления ее военного потенциала. Это — непосредственный результат всех уступок, сделанных Англией Соединенным Штатам, ее отказа от самостоятельного курса.

И, конечно, ни британские тори, ни правые лейбористы не упомянули о том, что существует иной путь, который помог бы Англии выйти из кризиса,— путь развития экономических связей с Востоком, с лагерем социализма, широкая взаимовыгодная торговля, отказ от политики блоков и пактов, как бы они ни назывались.

«Сидячая забастовка» протеста норвежских студентов у здания американского посольства. В рунах участников забастовки — транспаранты, на которых начертаны лозунги сторонников мира: «Против атомного оружия!», «Угроза разрушить мир — это не оборона. Это — безумие!»

Фото Норвежского Телеграфного Бюро

БЕССМЕРТНЫЙ пример Караджале

А. САЛЫНСКИЙ

В ЭТИ дни вместе с братским румынским народом советский народ чтит память Иона Луки Караджале, писателя, отдавшего свой пламенный талант борьбе за идеалы свободы, за человеческое достоинство, за правду.

Особым успехом и наибольшей известностью пользуется у нас в стране его сатирическая комедия «Потерянное письмо», в которой высмеиваются пороки румынского буржуазно-помещичьего строя второй половины прошлого века с его лживой системой парламентских выборов и продажным государственным аппаратом.

Появление этой комедии в Румынии в 1884 году по своему литературно-политическому резонансу было, по-видимому, равносильно выходу гоголевского «Ревизора». Автор, имевший к этому времени литературную известность, предстал перед народом, перед своим временем как бы в новом свете. Все — и друзья, и враги — увидели, что в общественной жизни Румынии произошло огромное событие: появился талантливейший сатирик, смелый, остроумный, непримиримый.

Не только драматургия, но и проза Караджале — светлый родник граждански высокой мысли. Стиль ее отточен так тщательно, что невольно напрашивается сравнение с Тургеневым и Флобером. Ни одного лишнего слова. Каждый рассказ Караджале — это кусок жизни, увиденной художником в неповторимом, одному ему показанном свете.

Разумеется, правящая верхушка, как говорится, не оставалась в долгу перед обличающим ее писателем. Караджале преследуют, обливают клеветой, наемные бандиты пера строчат фельетоны. Дело доходит до того, что один поощряемый свыше наглец обвиняет писателя в плагиате... Румынская академия, це однажды присуждавшая премии за самые различные литературные произведения, в том числе и за такие, которые были гораздо слабее трудов Караджале, отказывает в своей премии писателю-патриоту.

В 1901 году выходит том сатирических очерков «Моменты». Все честные литераторы Румынии восторженно отозвались на выход этого тома. Официальная критика встретила его враждебно. А нужда, всю жизнь преследовавшая писателя, становилась все тяжелее.

В конце концов, не надеясь на то, что он сможет улучшить свое материальное положение, изнуренный преследованиями, в 1904 году Караджале покидает родину и переезжает в Берлин.

В 1907 году Румынию потрясло мощное крестьянское восстание. Доведенные до обнищания, не видя никаких иных перспектив, крестьяне по всей стране поднялись на борьбу. Правительство жестоко расправилось с повстанцами.

Из своего изгнания Караджале отзывается на восстание и правительственные репрессии замечательным памфлетом «1907 год — от весны до осени». Он вскрывает весь ужас крестьянской жизни тогдашней Румынии, анализирует, как распределяется владение землей, как возделываются земли, подчеркивает эксплуататорский характер системы аренды, отмечает массовое обнищание крестьян.

До последних дней своей яркой, полной высокого напряжения жизни Караджале много работает, сотрудничает в румынской печати. В 1910 году появляется том его «Новых очерков».

Ион Лука Караджале умер 9 июня 1912 года в Берлине от сердечного припадка. Останки его по просьбе семьи были перевезены на родину.

В наши дни Академия Румынской Народной Республики исправила несправедливость и посмертно избрала членами академии Иона Луку Караджале, Михаила Эминеску, Иона Крянгэ.

Традиции Караджале бережно изучаются в современной Румынии и последовательно развиваются. Литература Румынской Народной Республики активно вторгается в жизнь, помогает народу строить социалистическое общество. Ведь все, что делал Караджале, было горячим делом современности. Его открытое людям сердце мгновенно отзывалось на все самые свежие общественные веяния, события, радостные и печальные, и он тут же брался за перо, торопился сказать свое взволнованное слово. Конечно, это противоречило убеждениям литературных снобов, как, впрочем, противоречит еще и сейчас... Разве может серьезный писатель так легко откликаться на быстротекущую жизнь?.. Может быть, это — только удел журналистики?

Нет, это — долг самой большой литературы. И пример классиков, пример лучших наших отечественных, а также зарубежных писателей зовет к немедленному действию в ответ на задачи дня. Конечно, не в ущерб искусству, не за счет снижения идейно-художественных критериев. А то ведь в пылу полемики кое-кто договаривается уже до того, что важно, мол, скорее откликнуться, а как это получилось, плохо или хорошо, не имеет существенного значения...

Комедия Караджале «Потерянное письмо» или грибоедовское «Горе от ума» рассматриваются как художественные памятники эпохи. В конечном счете спор этот, в общем-то, сводится к очевидным вещам: ставит ли художник перед собой задачу-максимум или, чувствуя, что не хватает сил, таланта, ограничивается публицистически-декларативным потолком. Создатели советских космических кораблей или строители самой протяженной в мире электрифицированной магистрали Москва — Байкал, безусловно, торопились, но вместе с тем как замечательно выполнили они свою работу! Для нас это означает — и оперативно, и художественно. Художественная практика, в том числе и практика Караджале, убеждает нас в том, что художник при самой горячей оперативности остается художником.

Истинные художественные ценности переживают своих создателей... Бессмертен труд. Сменяются общественные формации, короли и диктаторы уступают место избранникам трудового народа. От королей и диктаторов остается лишь имя с номером первый, второй, восемнадцатый или же в придачу к имени выданный современниками нелестный, а иногда льстивый эпитет.

Судьбы Румынии во времена Эминеску и Караджале вершил ординарный, тусклый человек, его звали Кароль Первый, и он почему-то мнил себя великим. Сколько их было в земной истории — «кровавых», «великих», «мудрых», «великодушных»... Кое-кто из них вполне подходил под меткое определение Свифта — отрада и ужас вселенной. Многие ушли, оставив след, соответствующий их эпитету, или отметившись лишь номером при имени.

Сохраняются навсегда и с веками не уходят талант, труд сыновей и дочерей народа. И даже как-то странно это звучит, что пятьдесят лет назад умер Караджале, нет, он живет каждой своей строкой...

Сегодня братский румынский народ принимает благодарность всего прогрессивного мира, благодарность за то, что дал человечеству верного сына — Иона Луку Караджале.

В Зале Пятисот

На страницах нашей газеты в заметках и интервью мы писали о работе конгресса Европейского сообщества писателей во Флоренции. Читатель «Литературной газеты» Г. Яропольцев (Москва) просит рассказать об этом подробнее. Ниже мы публикуем статью Г. Брейтбурда, ответственного секретаря бюро советской группы Европейского сообщества писателей.

АНКЕТА журнала «Европа литература» — «Возможен ли сегодня возврат фашизма в Европе?». Отвечают французы, итальянцы, чехи — писатели многих стран Европы, люди различных мировоззрений, по-разному судящие об искусстве, о писательском труде и о многом другом на свете. Но здесь они поразительно схожи. Отвечает Лионелло Вентури, видный буржуазный ученый-искусствовед: «Покончено ли с фашизмом в Европе? Помилуйте! Он с каждым годом становится опасней... Фашизм родился, жил и умирал под знаком непрекратившегося и после его смерти шантажа антикоммунизмом...»

Еще жестче звучит ответ Пьер Паоло Пазолини, поэта и романиста, имя которого сегодня так широко известно в Италии: «События в Алжире и Париже тревожат. Мне кажется, этот «возврат к фашизму» не только возможен, он уже происходит... Франция де Голля, Германия Аденауэра, Испания Франко, Португалия Салазара... Прекрасная Европа!»

Раздумывая над единением писательских сил, достигнутым на недавнем конгрессе Европейского сообщества писателей во Флоренции, все отчетливей видишь, что оно обусловлено общей и оправданной тревогой за судьбы искусства и культуры.

Снова, как и много лет назад, писатели Европы протянули руку Испании. В Европейском сообществе Испания представлена лучшими своими поэтами. Хуан Гойтисоло, Пачеко, Кастелле — молодые писатели Испании, книги которых сегодня обходят мир как вестники суровой и мужественной правды об испанском народе. Там, за плотным клерикально-фашистским «занавесом из ладана», трудно работать писателю, трудно читать: запрещены цензурой Рабле, Вольтер, Руссо, Бальзак, Золя, Мопассан, Сартр, Брехт, Моравиа, Витторини, Горький, Шолохов... Только за последнее время налагались цензурные запреты на печатание новых книг Гойтисоло, Ортелано, Салинаса, Сартре и многих других...

Особая атмосфера участия и солидарности, которой конгресс Европейского сообщества окружил писателей Испании и Португалии, стала важным свидетельством твердости антифашистского кредо молодой ассоциации писателей Европы.

Создание в 1958 году в Неаполе Европейского сообщества писателей сумело провести эти принципы антифашистской солидарности сквозь годы, полные приливов и отливов надежды на разрядку международной напряженности, вопреки крепчавшим временами ветрам «холодной войны». Сообщество возникло как воплощенная инициатива группы итальянских писателей, стремившихся объединить литераторов Европы не только во имя защиты профессиональных интересов, но в первую очередь для «...распространения и укрепления духа дружбы и мира между народами».

Сообщество — не политическая организация. Оно объединяет писателей всех стран Европы, без различия идеологии и мировоззрения. Но свыше тысячи писателей, уже вошедших в эту организацию, не намерены стоять в стороне от больших тревог и надежд современного мира, не хотят уподобиться в раковину пенклубовского «синдикализма». Об этом говорил во Флоренции неутомимый генеральный секретарь сообщества Джанкарло Вигорелли. «Сообщество выступает против любых проявлений расизма и фашизма. Сообщество — не академия, не синдикат. Это свободная ассоциация писателей, объединяющаяся, по крайней мере в области культуры, от раздела Европы на два блока. Сообщество действенным образом устремлено к миру, свободе, надежде, доверию, словом, — к сосуществованию».

Плодотворность этих принципов флорентийского конгресса несомненна. Участие в нем крупнейших писателей Европы — от Джузеппе Унгаретти до Альберто Моравиа, от Халлдора Лаксенесса до Педара О'Доннелля, от Александра Твардовского до Хуана Гойтисоло, от Альфонса Састре до Андре Шамсона, от Марии Майеровой до Ингрид Бахман и Гюнтера Вайзенборна, от Ярослава Ивашкевича до Назыма Хикмета, не говоря уже о видных режиссерах и сценаристах европейской кинематографии, — живой интерес к конгрессу самых широких общественных кругов многих стран, внимание прессы — таковы неопровержимые свидетельства успеха.

Этот успех заставил недоброжелателей сообщества укрыться в щели неофашистской печати и тех печально знаменитых изданий, для которых сокращение американских ассигнований на нужды «холодной войны» было бы равнозначно концу собственного существования. Оттуда раздались голоса, твердившие, будто сообщество — организация прокоммунистическая. Отвечая провокаторам, Вигорелли заметил, что писательские организации социалистических стран, относящиеся к сообществу с полным доверием, проявили тактичность и в таком вопросе, как вступление новых членов, не стремясь создать в нем свое большинство.

По тому же поводу такая крупная буржуазная газета, как «Стампа», вполне резонно писала: «В адрес сообщества высказывали упрек в его прокоммунистическом характере. Честней было бы признать, что в нем много левых писателей, в том числе итальянских. Но разве в Европе, да и не только в Европе, культура и искусство создаются руками правых, руками боязливых консерваторов? Преобладание в сообществе левых писателей вполне логично и естественно...»

Удаче конгресса во многом способствовал выбор актуальной и острой темы — собравшиеся во флорентийском Палаццо Веккио писатели обсуждали взаимосвязи литературы с кинематографией, радио и телевидением.

С нескрываемой тревогой говорят писатели Запада об угрозе, заключенной в использовании этих массовых средств для целей, чуждых культуре, враждебных искусству. Фабриканты «культуры для масс», как ее называют в США, «средней культуры», как говорят в Англии, или «полукультуры», если взять итальянский термин, отравляют миллионы людей стандартизованными суррогатами искусства.

Собравшиеся во Флоренции писатели пришли к выводу, что не в природе новых технических средств заключена угроза для культуры («Техника помогает искусству», — сказал на конгрессе Назым Хикмет). Быстрый рост телевидения вовсе не привел к уменьшению спроса на книгу. Поэт Алексей Сурков говорил об особой ответственности телевидения в современном мире и сравнил оператора у телекамеры с «пулеметчиком, ведущим огонь по миллионам сердец».

О плодотворности работы писателя в кино много и интересно говорили итальянские литераторы, тесно связавшие свою судьбу с киноискусством. Необходимость такой тесной связи литературы и кинематографии горячо отстаивали с трибуны конгресса Альберто Моравиа, Чезаре Дзаваттини и Пьер Паоло Пазолини, поэт, не только пишущий сценарии, но и сам ставящий фильмы, которые, подобно его последней картине «Акаттоне», пользуются большим успехом.

Однако итальянским писателям возражали их французские коллеги. О несовместимости литературы и кино как противоречащих друг другу искусств говорила, например, писательница Маргрит Дюрас, автор сценария известного фильма «Хиросима — моя любовь».

Конгресс не только дискутировал. — решались неотложные организационные дела. Прошли выборы. Президентом сообщества вместо скончавшегося Джанбаттиста Анджолетти, память которого тепло почтил М. Бажан, стал поэт Джузеппе Унгаретти; вице-президентами единодушно избраны Халлдор Лаксенесс и Микола Бажан, переизбран Руководящий совет, место генерального секретаря вновь занял Вигорелли.

«Вряд ли флорентийский конгресс Европейского сообщества писателей, — пишет в открывающей майский номер статье итальянский католический журнал «Леджере», — вызвал бы столь живой, не угасший и сегодня интерес, если бы на нем не было такой представительной группы советских писателей». На конгрессе советская секция сообщества была представлена делегацией, в которую вошли А. Сурков, А. Твардовский, В. Панова, М. Бажан, Г. Чухрай; гостями и участниками конгресса наряду с этой делегацией были С. Антонов, И. Андроников, Е. Винокуров, А. Вознесенский, Д. Гранин, Э. Казакевич, В. Некрасов, В. Шкловский, Н. Томашевский, И. Огородникова.

Прав журнал «Леджере» — вниманием нас не обидели. Сейчас об этом уже пишут спокойно, но там, во Флоренции, приходилось туго. Порой даже обедали поочередно — двое едят, а тем временем в холле другие дают интервью. То же и в часы заседаний — одни в Зале Пятисот, где шел конгресс, другие в Зале Двухсот, захваченном прессой.

Вечером в день закрытия конгресса расцвеченный, как в старину, факелами Палаццо Веккио снова говорил о вечном празднике искусства. Звучно пропели фанфары герольдов в красно-белых одеждах, салютуя 26 флагам европейских государств. Провожая своих гостей — писателей, Италия рассыпала золотые блестки великолепного старинного гостеприимства. Президиум, где в обычные дни, кутаясь в пальто, вразвалку сидели поэты (Зал Пятисот отапливать нельзя, чтобы не повредить живопись), чинно глядел в зал, наполнившийся мундирами, вечерними туалетами.

По поручению председателя Совета министров Италии Фанфани, который не смог прибыть (в Риме голосовали вотум доверия только что сформированному им правительству), конгресс приветствовал министр Кодаччи-Пизанелли. Пламенную речь, исполненную горячего стремления к миру, произнес мэр Флоренции Джорджо Ла Пира: «Когда вы вернетесь в ваши страны и вас спросят, какие вести привезли вы из Флоренции, вы сможете ответить: превосходные! Вы сможете выразить надежду, что войны не будет... Передайте мэрам ваших столиц, что Флоренция верна пакту мира, заключенному с ними семь лет назад».

Ораторы сменяют друг друга у микрофона. Аплодисменты громче обычного. С трибуны известный поэт и драматург Хатеб Ясин передает писателям Европы привет от Фронта национального освобождения Алжира...

Хатеб Ясин призывает Европейское сообщество к установлению дружеских связей и контактов с писателями Азии, Африки, Америки. Ему отвечает Джанкарло Вигорелли. С первых же дней своего существования сообщество ищет эти контакты. В его уставе осуждено любое проявление европейской «исключительности». Словно подтверждая эти слова, раздаются аплодисменты в честь выступающего Карлоса Франки — редактора кубинской газеты «Революсьон».

Последним выступает известный итальянский писатель Гвидо Пьовене. «Впервые, — говорит он, — мир предстает перед нами как абсолютное благо, от которого зависит все; в силу этого впервые в истории миролюбие и защита мира становятся неотделимыми от художественного творчества».

Сообщество многим обязано Италии — ее традиционной гуманистической культуре, ее писателям, ее городам — за радушие и гостеприимство, за чудесный подарок: знаменитую флорентийскую виллу Петрайя, которая сегодня передана писателям Европы правительством Италии.

Но более всего мы признательны Италии за ее сегодняшнее живое, полное демократической устремленности искусство; без преувеличения, вне этого климата такой конгресс просто был бы немыслим.

Г. БРЕЙТБУРД

Илья ЧЕРНЕВ

Умер Илья Чернев (Александр Андреевич Леонов). Человек большого сердца, он хорошо знал жизнь, много видел и любил людей. Начал Илья Чернев свою литературную деятельность как поэт. Но уже в 1925 году его книга «Дворцы на Кульдуре» открыла нам талантливого и самобытного прозаика. И эта книга, и следующая — «Лягушка не знает океана» — были тепло встречены читателями.

Самая значительная работа Ильи Чернева — три книги романа «Семейщина» («Летопись родного села»), рассказывающего о быте и нравах прибайкальского староверского села.

Интересна и другая работа писателя, роман «Мой великий брат», посвященный дружбе двух великих народов — русского и китайского.

Илья Чернев известен нашим читателям и как публицист. Памфлеты на международные темы, острые статьи, очерки и рецензии писателя всегда привлекали внимание глубиной и тонкостью мысли, яркой образностью.

Настоящее искусство не умирает, не стареет. Книги, созданные горячим сердцем Ильи Чернева, будут жить долго.

Правление Союза писателей РСФСР
Правление московской организации Союза писателей РСФСР

Главный редактор В. А. КОСОЛАПОВ.
Редакционная коллегия: Ю. Я БАРАБАШ (зам. главного редактора), В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Б. Л ЛЕОНТЬЕВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, О. Н. ПРУДКОВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, Ю. И. СУРОВЦЕВ, А. С. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.
Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 6-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-64-26, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-86. Коммутатор — К 5-00-00
Типография «Литературной газеты», Москва И-51 Цветной бульвар, 30.
Б—03408